

A woman in a white dress is floating underwater, surrounded by jellyfish. The scene is set against a backdrop of a sunset over the ocean, with seagulls flying in the sky above. The overall color palette is dominated by teal and blue tones.

Анастасия

*У неї душа моря,
а море нельзя приручить*

ТАТЬЯНА ГРАЧЁВА

Татьяна Грачева

Анасейма

«Автор»

2020

Грачева Т. А.

Анасейма / Т. А. Грачева — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-99895-7

Они повстречались, будучи детьми. За возможность называть выросшую на берегу Чёрного моря Марину звучным прозвищем Анасейма Илья поплатился зубом и душевным покоем. Но приручить морскую волну — задача невыполнимая... А Марина была с морем единым целым, жила им, дышала. Верила в волшебство, здоровалась с прибоем и загадывала желание каждый раз, как находила особенную ракушку. Одна из трёх дочерей Счастливчика, трёх "русалочек", она не представляла, как это — жить вдали от моря, не ощущать его в каждом вдохе. Но сможет ли любовь к человеку победить страсть к стихии? Смогут ли Илья и Марина, пережив череду испытаний и ошибок, простить друг друга и быть вместе, несмотря на боль и обиды?

ISBN 978-5-532-99895-7

© Грачева Т. А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

1 глава. Счастливчик и русалочки	5
2 глава. Глаза как у нерпы	24
3 глава. Серебряные желуди	42
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Татьяна Грачева

Анасейма

1 глава. Счастливчик и русалочки

Наши дни

– Мам, пойдём домой, ветер сильный, так и заболеть недолго.

Зря Инна волновалась. Бриз с моря дул тёплый, удивительно контрастирующий с холодом, который отдавал влажный песок. Пирс глубоко врезался в море, если не оглядываться, то легко вообразить, что вокруг бескрайняя водная гладь.

Море размеренно дышало и подлизывалось, накатывало неспешно, аккуратно, притворяясь дружелюбным.

Марина подвернула джинсы выше колен и, сев на край, спустила ноги вниз. До воды ступни не доставали, но брызги бьющихся об опоры волн кололись влажными каплями, будто жалили.

Оглянувшись через плечо, она увидела, что старшая сестра старается увести маму с пирса, правда, пока её настойчивости хватило только на пару шагов в сторону берега.

– Море беспокойно, оно печалится, – прошептала мама.

Инна взялась за натянутый канат, недоверчиво нахмурилась.

– Наоборот, спокойное.

– Ты никогда море не чувствовала. Какое же оно спокойное? Присмотрись, вода тёмная, в глубине зарождается буря. – Татьяна вернулась к краю деревянного настила. Подобрала края пледа и опустила рядом с дочкой. – Море всегда подстраивалось под твоё настроение, Анасейма.

Марина вздрогнула, плотно сжала губы. Показное равнодушие далось ей тяжело.

– Не называй меня так, пожалуйста.

Алсу и Инна переглянулись, но промолчали, позволяя маме проявить жестокую прямолинейность. Волновать Марину они не рискнули, и без них было кому посыпать раны солью.

– Это не Илья придумал. Первым тебя так назвал сумасшедший изобретатель. Он снимал у нас комнату много-много лет назад. Тебе тогда три года было, не помнишь, конечно. Инка тем более. Алсу?

Старшая сестра тряхнула осветлёнными до цвета седины волосами.

– Не помню.

– Он бредил идеей изобрести прибор, который будет точно предугадывать появление тягунов, даже название придумал: капкан для анасеймы.

Отклонившись назад, Марина перевела взгляд на задумчивый профиль матери.

– Придумал?

– К сожалению, нет. Эта штука не помешала бы нам на море, – Татьяна печально улыбнулась, уйдя в грустные воспоминания. – Он впервые увидел тебя на побережье: ты убежала от волн, а потом кидалась им навстречу. Играла с морем. Тогда он и назвал тебя Анасеймой.

Алсу пожала плечами.

– Какие только чудики у нас не жили. Порой казалось, что южное солнце будит в людях тёмные стороны и обостряет безумие.

– Олимпийский чемпион даже был, – напомнила Инна, протягивая руку маме.

Марина опёрлась ладонями о колени, опустила взгляд на воду.

– Помните Дуги?

– Кого? – в один голос откликнулись женщины.

– *Музыканта. Он каждое лето жил у нас, недолго, правда.*

Алсу стянула волосы эсгутот, перекинула на одно плечо и замерла в позе, удачной для запечатления камерой.

– *Я и половины постояльцев не помню. Мам, пойдём домой, хочется горячего чая на вишнёвых веточках.*

Татьяна нехотя поднялась, свернула плед и взяла дочек под руки. Сделав шаг в сторону берега, оглянулась.

– *Ты идёшь?*

Марина отрицательно качнула головой.

– *Нет, я позже приду.*

Усилив воли она вытеснила мысли об Илье воспоминаниями о странном музыканте. Тот приезжал каждое лето на несколько дней, с тощей сумкой и гитарой за спиной. Молчаливый, нелюдимый. В его растрёпанной шевелюре и бороде терялись разлохмаченные косички, прихваченные цветными нитками. Он охотно принимал подаренные Мариной браслеты из ракушек и научил её играть на гитаре. Кроме неё, ни с кем и не общался, людей явно недолюбливал, делал исключение только для Марины и местных дворняг. Он был вторым человеком из тех, кому разрешалось называть её Анасеймой.

Мысли об Илье всё-таки просочились и сдавили горло спазмом. Обида и злость всколыхнулись одновременно, слившись воедино. Марина встала на краю деревянного настила, обхватив пальцами ног влажные доски, на секунду замерла и прыгнула. Опустилась под воду подобно оловянному солдатику, плотно прижав руки к бёдрам. Вода сомкнулась над головой, охотно принимая в тёплые объятия. Море переливалось, как чарующее стекло, всеми оттенками зеленого и голубого. Окутывало, ласкалось, утоляло боль, и оно же нещадно жалило. Обманчиво дружелюбное, своенравное и непредсказуемое, как сама жизнь.

***

Это было красиво. Несколько минут девочка восторженно смотрела на море, сквозь толщу воды небо казалось подвижным. Но восхищение ее продлилось недолго. Глаза защищало от солёной воды, пальцы ног коснулись плотного волнистого песка, в этот момент Марина вдохнула последний раз. Следующий глоток получился со вкусом соли.

С опозданием она догадалась, что тонет, и это совсем не весело. Марина испуганно вытянула руки вверх, пощупала прохладный ветерок. Подпрыгнула, хватая его ладошками, но выплыть не смогла: не хватило роста. Очередная волна оттащила её ещё дальше от берега, не давая выплыть на поверхность.

Марина зажмурилась и снова распахнула глаза в надежде, что это сон. Вот сейчас она проснется, а рядом мама. Неужели она правда тонет? Но почему? Минуту назад она плескалась на мелководье, пицала как дельфин, а теперь барахтается в толще воды и не может выбраться. За недолгую пятилетнюю жизнь ей ещё ни разу не приходилось бояться. Не пугали её ни темнота, ни пауки, ни хулиганистые мальчишки из группы в детском саду. Страх распознал не сразу и очень напоминал острое предвкушение удовольствия. Почти такие же ощущения накачивали, когда папа подкидывал её вверх и делал вид, что не поймает, или когда она тыкала палкой в распластанную медузу, выброшенную на берег. Уже не опасную, но очень уж устрашающую.

Когда появилась боль, пришёл и страх. Лишившись возможности вдохнуть, Марина испугалась по-настоящему и задёргала руками и ногами, как муха, попавшая в паутину. Бестолково суетясь, наглоталась воды до помутнения в глазах. Марина присела на корточки и из последних сил оттолкнулась от песка, но вдохнуть не смогла.

К счастью, её кисти, мелькнувшие на секунду в волне, увидела купающаяся в нескольких метрах женщина. Она негромко вскрикнула и ринулась на помощь. В несколько шагов добравшись до места, нащупала под водой локоть и резко выдернула девочку на поверхность. Марина вцепилась в её плечи, едва не стянув лямки купальника, упёрлась коленями в мягкий живот спасительницы и судорожно оттолкнулась, пытаясь высвободиться из чужих объятий.

– Тише ты, утопленница!

Марина перестала брыкаться и позволила донести себя до берега. Там резко выпуталась из рук женщины и, не прекращая кашлять, побежала вдоль берега, подальше от места, где её ужалило море, чтобы не дай бог мама, а ещё хуже папа, не увидели, что произошло. Если они узнают, что она едва не утонула, не видать ей больше моря.

Вдогонку неслись восклицания, осуждающие непутёвых родителей, потерявших ребёнка, но Марина не останавливалась, петляла среди разложенных полотенец, пока не достигла домика спасателей.

Оббежав одноэтажное строение, она упала на колени и позволила себе как следует прокашляться. Горло саднило, а глаза горели и чесались. Опустив голову, Марина часто судорожно дышала, пытаясь успокоиться, пальцы её дрожали. Страх, колючий и парализующий, обездвижил на несколько секунд, а потом затаился где-то внутри, превратившись в жгучую точку. Бояться моря для Марины было всё равно что бояться дышать. Без шума волн и солоноватого аромата морской воды она не могла прожить и дня.

Успокоившись, она пригладила взъерошенные волосы и, опираясь о тёплую, прогретую солнцем стенку домика, вышла к берегу.

Под ярким зелёно-красным зонтом в плетёном кресле сидела мама. Она внимательно рассматривала ракушки, собранные в подол белого платья.

Татьяна поворачивала ракушки в бликах солнца, оценивала красоту и толщину. В пёстрой куче преобладали гладкие сердцевидки и ребристые скафарки¹, а внизу мелкой россыпью перемешались биттиум² и гибула³. Обиталищам моллюсков предстояло перевоплотиться в куриных богов. Продырявленные самой природой попадались намного реже, чем это было необходимо для их маленького бизнеса. Приходилось лукавить, собирать целые и уже самим сверлить отверстия, а потом втягивать их доверчивым отдыхающим под видом всамделишных талисманов. Татьяна грациозно опускала в плетёную корзину подходящие образцы и небрежно скидывала забракованные прямо на песок.

Марина невольно залюбовалась мамой. В это лето девочка совершенно точно поняла: мама самая красивая, возможно, она песчаная фея, оставившая сказочное царство ради любви к папе. Не зря его называли Счастливым. В жёны ему досталась самая настоящая принцесса. Высокая, волшебная, какая-то нездешняя.

Рядом с ней в детском бассейне плескалась сестрёнка Инна. Будучи младше Марины всего на год, она почти догнала её по росту, но вот любовью к морю не воспылала, предпочитала купаться в безопасном неглубоком лягушатнике. Непривычно белокожая и светловолосая, Инна боялась яркого солнца, не любила гомон толпы и охотно сидела бы дома, но пока не доросла до возможности остаться без присмотра.

Увидев раскрасневшуюся Марину с безумным взглядом, Татьяна изумлённо приподняла бровь.

– Набегалась? Иди в тень, а то солнце в макушку поцелует. Где твоя панамка?

Марина тут же ухватилась за подсказку. Страх быть отлучённой от моря пересилил жуткие воспоминания о том, как она тонула.

---

¹ Скафарка – выпуклая ракушка с вертикальными бороздами и зазубренными краями.

² Биттиум – башневидная, крепкая раковина с глубокими швами между оборотами. Коричневый окрас. Размер до 1,7 см.

³ Гибула – конусовидная раковина состоит из 6-7 слабовыпуклых оборотов, напоминает раковину улитки.

– Потеряла у берега.

Татьяна слегка покачала головой.

– Уже третья за этот месяц.

Марина опустила на песок у ног мамы, положила голову ей на колени.

– Не хочу панаму. Хочу шляпу, как у папы.

Татьяна перевела взгляд на невысокого коренастого мужчину у кромки моря. Счастливчик, он же папа Марины, получивший своё прозвище за редкую удачливость, выглядел противоположностью своей жены. Светлокожий, с плотной россыпью веснушек на плечах и лице. А вот глаза, наоборот, ему достались морские – бледно-голубые.

Порой Счастливчик и сам забывал имя, данное ему при рождении. Александром его называл только налоговый инспектор и сосед, завидовавший по любому поводу. Ковбойская шляпа, плетёная из конопляного волокна, с загнутыми кверху краями, болталась за спиной и по назначению не использовалась. Светлая кожа заалела на шее и спине, а значит, не обойдётся вечером без сметанных увлажнений. Только к середине лета шкура Счастливчика, сменившись несколько раз, привыкала к солнечным ласкам и переставала шелушиться.

Договорившись с очередным клиентом, Счастливчик упрятал купюры в непромокаемый кошелёк на поясе и обратился к молодёжи, рассеявшейся вдоль ярко-жёлтого надувного «банана».

– Ну что, орлы, летаем или поплаваем?

Отдыхающие засуетились. Принялись натягивать спасательные жилеты. Двое парней демонстрировали уверенность, граничащую с беспечностью. Жилеты не застёгивали, красуясь перед девушками загоревшими торсами. Счастливчик лично затянул ремни на всех смельчаках и не позволил оседлать «банан» неправильно упакованным.

– Ваши трупы гораздо легче найти, когда они в ярких жилетах. Кому охота скрести по дну? – он оглянулся в сторону спасателей, расположившихся на вышке в нескольких метрах от берега. – Да, ребят?

Парни, не отрывая взглядов от моря, одновременно подтвердили.

– Никому не охота.

Счастливчик нахлобучил шляпу на курчавую шевелюру и затянул под подбородком тесьму. Сделав пару шагов по мелководью, он легко запрыгнул в белоснежный катер, на левом боку которого красовалась размашистая надпись «Афалина». Он взмахнул рукой, давая отмашку к старту. Спустя несколько секунд «банан» дёрнулся и полетел вслед за рассекающим воду катером.

Марина наблюдала за аттракционом, слегка повернув голову, позволяя маме перебирать её волосы. Катер носился вдалеке, будто не касаясь воды, рисовал зигзаги на поворотах. «Банан» то и дело переворачивался, рассыпая наездников, как горошины на блюде. Они барахтались и вновь залезали на него, но через пару минут водитель катера опрокидывал «банан». И так несколько раз.

– Всех русалок распугает, – беззлобно пожурела мужа Татьяна.

Марина наткнулась ладонью на очередную забракованную ракушку. Палец явственно нащупал отверстие. Она присмотрелась к кособокой, бледно-оранжевой и плоской венерке⁴.

– Мам, это же истинный куриный бог, а ты выкинула.

Татьяна наклонилась вперёд.

– Случайно. Оставь его себе и загадай желание.

Марина сжала ракушку в ладони, острые края больно впились в кожу. Тысячи желаний роем заполнили воображение: стать русалкой, научиться понимать язык дельфинов, заплотить шляпу, как у папы... Марина не смогла выбрать одно и печально вздохнула.

---

⁴ Венерка имеет закруглённую раковину с закруглёнными краями, частые, горизонтальные борозды.

– Не могу придумать.

– Загадай плеер или новое платье, – подсказала Алсу.

Старшая сестра обошла кресло и, взмахнув полотенцем, постелила его между бассейном и домиком спасателей. С Мариной их разделяло всего три года, но для своего возраста Алсу выглядела слишком развитой. Греческая родословная Татьяны победила гены Счастливого, и старшая дочка получилась смуглой и черноглазой, максимально не похожей на отца. Будто появилась на свет почкованием, без его участия. Инна же, наоборот, внешностью удивительно напоминала Александра. В этот раз Татьяна выполнила роль инкубатора, выносив копию Счастливого, только другого пола. Марине досталась роль мостика между сёстрами. Чтобы не обидеть никого из родителей, она нахваталась генов из каждого генеалогического древа и в итоге не походила ни на одного из родителей. На смуглом лице светло-голубые глаза казались прозрачными, как льдинки. Тёмно-каштановые волосы закручивались у висков и на затылке в плотные локоны, которые мама называла завлекалочками.

Перебирая волосы дочери, Татьяна привычно накрутила на палец прядь на её виске. Посмотрела вдаль и улыбнулась своим мыслям.

– Мам, я кушать хочу, – жалобно застонала Инна.

Алсу приподнялась на локтях, прогнувшись, приняла намеренно взрослую позу.

– Там ещё пол-арбуза осталось, – ответила она, не поворачиваясь. Уходить с пляжа не хотелось, а если Инна продолжит канючить, вести сестру домой придётся именно ей.

– Я уже сама как арбуз, – Марина похлопала себя по животу.

С началом августа наступили дни, когда рацион их семьи на девяносто процентов состоял из бахчевых. В семье Юдиных не водилось привычки есть в строго определённое время за столом. Все питались отдельно и объединялись только в том случае, когда голод достигал одновременно. О том, что в других семьях бывает первое, второе и компот сёстры даже не подозревали, полагали, что это разновидность пыток в детском саду. Как только наступало лето, отпадала необходимость собираться по часам.

Дети сами выбирали, что есть и когда. Иногда рацион состоял из клубники прямо с грядки, иногда из кукурузы, наваренной впрок в огромной кастрюле, а бывали и дынные дни, как и случалось в августе. Иногда вечером Юдины доедали не проданные за день пирожки, их почти каждое утро пекла Татьяна. Обилие мучного перед сном не тревожило ни родителей, ни тем более детей, успевавших потратить пирожковую энергию до того момента, когда их настигал сон. Укладываться спать никто не заставлял. Почувствовав усталость, они просто останавливались и находили место, где можно лечь. Уже спящих дочерей Счастливчик раскладывал по кроватям в их общей спальне. Целовал в пропахшие морем макушки и отправлялся к красавице-жене с целью выпросить у Посейдона сына.

Почти два дня Марина опасалась моря. Подходила к нему осторожно, ощущая с каждым шагом, как стягивается в груди тугий узел страха. В ушах тут же начинало шуметь, сердце стучало в ушах и в горле.

На третий день мама отправила девочек насобирать трицию⁵ и церитиум⁶ для браслетов. Марина рано выучила названия ракушек, но почти всегда обзывала их по-своему. Триция напоминала заострённый кувшинчик, а церитиум – рог старого единорога.

Едва солнце позолотило небо, девочки, натянув купальники и взяв пластиковые ведёрки, направились к калитке.

Двухэтажный дом Юдиных располагался с краю улицы, Счастливчик, следуя своему прозвищу, удачно заграбастал обширный участок. По документам надел был в два раза меньше, чем в действительности. Пока ещё никому не пришлось в голову озаботиться территориальной

---

⁵ Триция – раковина рака-отшельника. Башневидная, с выраженными бороздами. 20-30 мм.

⁶ Церитиум – спирально закрученная толстая раковина до 1 см.

самодеятельностью, и Счастливчик смело сдвигал забор, как только начинал подозревать, что новой яблоне не хватает места, а укроп задыхается в тени летнего душа. Почти весь первый этаж дома занимала широкая кухня, соединённая с гостиной, а та, в свою очередь, перетекала в открытую веранду. Двери между ними закрывались только зимой, летом же оставались распахнутыми настежь. От мошек и комаров защищала узорчатая штора. На втором этаже располагались спальни: самая большая, с окном, выходящим на море, досталась сёстрам, родительская ютилась в левом крыле, а ещё одна комната, когда-то принадлежавшая матери Счастливчика, сейчас пустовала, но на всякий случай была подготовлена для приезда незапланированных постояльцев.

Прямо от ворот вела дорога, она петляла вдоль канала и упиралась в дощатый изогнутый мостик. Перейти на другую сторону можно было только таким способом, правда, чуть ближе к дому над каналом пролегла труба, и иногда она выполняла функцию переправы для некоторых наиболее нетерпеливых сельчан. В качестве моста трубу использовала и Марина. До рождения дочек по ней легко перебежала Татьяна, теперь же она распрощалась с этой привычкой, поддавшись уговорам Алсу. Старшая дочь настаивала, что матери троих детей не к лицу бродить по трубе и подавать плохой пример детям приезжих.

После мостика дорога становилась грунтовой, постепенно переходила в песчаную. Перед выходом на пляж, обозначая границу и удерживая песок от расползания, в три ряда росли деревья с узкими светло-зелёными листьями. Неприхотливые, красивые, но с неблагозвучным названием лох серебристый, они легко прижились на скудной почве и радовали тенью даже в полдень. Дети не упускали возможность высказаться по поводу названия. Вернувшись с курорта, они ещё несколько месяцев просвещали родственников и друзей, рассказывая, что есть такое дерево на черноморском побережье, которое ежедневно подвергается оскорблениям.

Сразу за деревьями вздымались песчаные дюны, местами поросшие злущим колючим синеголовником. Некоторые храбрецы рисковали соваться в его заросли без обуви, но хватало и одного раза, чтобы запомнить, насколько он недружелюбен к голым пяткам. Дальше дюны сглаживались и открывали вид на плоский песчаный пляж.

Как всегда после шторма берег устилали водоросли – вездесущая одиозная зостера. «Зелёный суп» ненавидели почти все отдыхающие, кроме пожилых, те, наоборот, лепили комки повядших водорослей на больные суставы и замирали, представляя, как те лечат все существующие на свете недуги.

Марина собирала ракушки в пластиковое ведёрко, стараясь не подходить близко к морю. В этот ранний час пляж выглядел непривычно пустым. Кое-где на полотенцах лежали любители бледного солнца. Перед домиком спасателей распластался надувной матрац, под мягкой простыней легко угадывались тела двух спящих людей. Увидев импровизированную кровать, Алсу многозначительно закатила глаза, но промолчала, посчитав сестёр слишком маленькими, чтоб делиться своими соображениями.

Повинность собирать ракушки она выполняла без рвения. Бродила вдоль берега, выискивая потерянные отдыхающими драгоценности. В это лето её коллекция пополнилась тремя цепочками и двумя разными серёжками. Если удавалось обнаружить украшения, на ракушки она вовсе не обращала внимания, насыпала в ведёрко первые попавшиеся венерки и с удвоенным вниманием рыскала в поисках утерянных ювелирных изделий.

Инна, не в пример старшей сестре, поручение найти кувшинчики и единорожки рога выполняла добросовестно. Каждую ракушку осматривала тщательно, на всякий случай советовалась с Алсу и только потом опускала в своё ведёрко.

Марина бродила в стороне от сестёр, под ноги не смотрела, её боязливый напряжённый взгляд устремился в сторону горизонта. Море размеренно дышало, выплёвывая на берег очередные порции зостеры. Мягкая волна коснулась босых ног, обливав щиколотки, просочилась

сквозь пальцы. Сделав ещё шаг вперёд, Марина замерла. В ушах шумело, сердце гудело в одном ритме, захлёбывалось страхом. Пальцы соскользнули с пластиковой ручки, ведёрко удачно приземлилось на дно, чуть осев во влажном песке.

Марина отступила на несколько шагов, но не развернулась, резко выдохнула и ринулась в море. Подняв столп брызг, двинулась дальше чуть медленнее. Как только вода коснулась её шеи, страх достиг своего предела. Напоследок болезненно кольнул в грудь и растворился в солёной воде. Оказывается, все три дня Марина толком не дышала, а вот сейчас словно избавилась от обруча, сдавливающего грудь. Вернулось потерянное ощущение единства с морем, сердце замедлилось, дыхание подстроилось под ритм волн. Уже без опаски Марина развела руки, наслаждаясь объятиями стихии, и решила, что сегодня же научится плавать.

Браслеты из ракушек сползли с запястий, норовя обогреться в бордовом соке. Вооружившись скрепками, Марина и Алсу выковыривали косточки из вишен. Инна сидела чуть в стороне и тщательно отбирала очищенные ядра грецкого ореха от шелухи и перегородок. В дуэте с мякотью вишен орехам предстояло составить начинку для сладких пирожков, а перегородки пойдут на производство настойки из самогона. Аппаратом для этого священнодействия заведовал Счастливчик, хранил его в гараже и не допускал женщин.

Окна, распахнутые настежь, беспрепятственно выпускали на волю мелодию, льющуюся из радиоприёмника, и аппетитный аромат, щекочущий ноздри. В просторной светлой кухне на трёх сковородах одновременно в масле золотились пирожки, напоминающие нечто среднее между чебуреками и хворостом. Удивительные округлые булочки из слоёного теста пользовались большой популярностью у отдыхающих на пляже. Попробовав необычную выпечку хотя бы раз, курортники запоминали продавщицу вкуснятины и делали заказы заранее. Некоторые возвращались на этот пляж в следующем сезоне, ведомые воспоминаниями о кулинарных талантах местной умелицы. Наиболее востребованными оказались пирожки с креветками и пекинской капустой.

Татьяна не заканчивала никаких специальных курсов, терпеть не могла кулинарные шоу, но интуитивно подбирала ингредиенты, придумывая необычные рецепты. Не бояться экспериментов на кухне её приучила мама. Она же заложила основу кулинарного мастерства, умудрившись преподнести его как волшебство и необременительное удовольствие.

У всех членов семьи были свои любимые начинки. Марина обожала пирожки с тунцом, жареным луком и сыром. Алсу – со сладким перцем, копчёной курицей и горчицей. Инна-сладкоежка всегда выбирала самые приторные – с айвой и мёдом. А в августе у отдыхающих появлялась возможность отведать королевские пирожки, любимые Счастливчиком. С мая он начинал беззастенчиво рекламировать сказочно вкусную выпечку с начинкой из манго, персиков и миндаля. Татьяна не делала секрета из рецептов, но почему-то никому не удавалось приблизиться к деликатесам, рождающимся на её просторной кухне.

Практически каждый день Татьяна поднималась с восходом солнца. Высоко собрав волосы, она повязывала их льняной косынкой и начинала кулинарное волшебство. Для начала она включала радио, несколько минут наполнялась мелодией, только потом принималась за тесто. Колдуя над большой печкой, пританцовывала и напевала, не смущаясь случайных зрителей, заглядывающих в окна. Очень быстро постояльцы привыкали к режиму дня Юдиных и даже неосознанно подстраивались под него. Негромкая музыка из окна кухни не раздражала, обещала вкусный завтрак и бесплатное представление.

Если сёстры не собирали ракушки, то помогали матери на кухне или отбывали повинность на огороде. С делами старались управиться до обеда. Как только солнце зависало в зените, наступало затишье. Татьяна обычно досыпала украденные утром часы, сёстры, стараясь не покидать спасительную тень беседки, мастерили украшения из ракушек. Гости обычно следовали примеру хозяйки и дремали, набираясь сил перед вечерними приключениями. На

курорте самая настоящая жизнь начиналась с приходом ночи. В первые дни на юге постояльцы сбегали в Анапу, Штормовое выглядело слишком скучным и небогатым на развлечения. Но уже через неделю, утомившись от яркости и шума города, всё больше вечеров отдыхающие проводили в посёлке. Повторно совершали налёт на город лишь перед отъездом, вдруг осознав, что отпуск заканчивается, а они потратили не все деньги.

Вчера Татьяна всё утро провела в Анапе, вернулась только к обеду, потому оставила пляжных гурманов без любимой снеди, а постояльцев без кухонного танца.

Утром сёстры насобирали ракушек и, спрятавшись от солнца в тени извилистой лозы, раскладывали их по видам. С каждым годом гребешков⁷ и морских черенков⁸ попадалось всё меньше, зато рапаны⁹ усеивали пляж и вселяли в курортников надежду, что, даже покинув побережье, они увезут с собой шум прибоя. Нездешний прожорливый моллюск почти лишил Чёрное море мидий и устриц и порядком умерил разнообразие украшений из ракушек. Из «ногтей русалки» получались красивые браслеты, но теперь приходилось хитрить и разбавлять их изломанными венерками, иначе найденных черенков с трудом хватало на пару метров бус.

После поездки Татьяна выглядела уставшей, но довольной. Шумный город её утомлял, а летом Анапа напоминала муравейник, стонущий под тяжестью перенаселения. В Штормовом дышалось чуть свободнее, хотя практически все местные жители летом сдавали комнату или целый дом, а значит, даже на их уютной улице людей становилось гораздо больше. Появлялись шумные, чужие, часто с непривычным говором, и практически все бледные, как зомби, курортники. словно перелётные птицы, они гнездились в подготовленных для них «скворечниках», веселились, шумели и отдыхали так, будто завтра никогда не наступит.

Для большинства местных приезжие были основным источником дохода, а значит, за их благосклонность следовало побороться. Близость к морю, пирожки Татьяны и наличие катера у Счастливого заманивали отдыхающих, позволяя Юдиным выбирать, кому сдавать жильё, а не бросаться на первых встречаемых, случайно завернувших на уютную улицу. Для удобства не столько отдыхающих, сколько членов семьи, был построен отдельный двухэтажный домик. Под скошенной крышей ютились две спальни, на первом этаже – кухня и ванная комната. Между домиками раскинулся широкий двор, затенённый буйно разросшейся Изабеллой. Вдоль распахнутых окон кухни расположился длинный деревянный стол с лавками. Здесь сёстры и мастерили свои ракушечные изделия, а Татьяна разрисовывала красками гальку, превращая её в сувениры.

Большую часть нехитрых изделий покупали местные отдыхающие, а если вдруг оставались лишние украшения, Татьяна возила их в Анапу, где продавала Карапету, держащему палатку на центральном пляже. Ситуативный партнёр по ракушечному бизнесу уже несколько лет настаивал на том, что пора бы Юдиным расширить производство, закупать ракушки у оптовиков и мастерить любимые всеми отдыхающими побрякушки в больших объёмах. Татьяна каждый раз весело отмахивалась, не желала мастерить даже простенькие поделки из ракушек, выловленных не в Чёрном море. Она разрисовывала только местную гальку, украшая плоские камушки самыми ходовыми надписями: «Любимой девушке», «Любимой маме», и всем остальным горячо любимым родственникам.

Уже в начале мая приезжали первые отдыхающие – и начиналась весёлая жизнь. Почти полгода во дворе Юдиных толклись незнакомые люди, играла музыка, а за домом, прямо перед клубничными грядками, сушились бесконечные полотенца и купальники всех расцветок. Домик пустел только к концу сентября. Иногда появлялись жаждущие подышать морским

---

⁷ Раковина морского гребешка похожа на веер.

⁸ Морской черенок имеет необычную удлинённую узкую форму. Называют чёртовым пальцем и ногтями русалки.

⁹ Рапана – раковина прочная и толстая, башневидная, имеет красно-коричневый окрас, размер до 12 см.

воздухом в ноябре, но обычно к середине осени «скворечники» сиротели, жизнь на побережье приостанавливалась до возвращения перелётных отдыхающих в следующем году.

С окончанием курортного сезона приходила тишина, которую не переносил Счастливчик. В эти дни он гораздо чаще замыкался в гараже и использовал по назначению накопленные за лето ореховые перегородки. Частенько ночевал прямо в зачехлённом катере в компании гитары и ненавистного соседа Фёдора, соперничество с которым прекращалось только после отъезда последнего курортника. Сосед жил один и на приезжих охотился прицельно. Семейных не привечал, отбирал женщин, в глазах которых горело желание покурлесить и завести курортный роман.

Зимой между соседями завязывалось временное приятельство, исход которого каждый раз выглядел одинаково: разгоралась шумная ссора по поводу забора, разделяющего их территории. Фёдор, зажатый с двух сторон чужими участками, не имел возможности двигать границу своих владений, как ему заблагорассудится, эта несправедливость выводила его из себя и выливалась в скандал с тем, кто проделывал этот фокус регулярно. Счастливчик троекратно плевал в сторону соседа, яростно лупил по деревянным доскам и обновлял что-то во дворе, дабы позлить Фёдора ещё больше: сооружал новый мангал, подвешивал гамак или ставил широкие новомодные качели.

Вне курортного сезона Юдины не работали, просаживали заработанные за лето деньги, иногда их едва хватало до весны, но чаще безрадостные дни наступали раньше. Рацион заметно оскудевал, а если Счастливчик умудрялся необдуманно растратить летний капитал, то накапливались долги за коммуналку, и девочки оставались без обновок. А росли они быстро, смена гардероба требовалась постоянно.

Осенью сёстры бродили по пляжу в поисках ракушек и подходящей гальки, но без энтузиазма, редко когда мастерили что-то до начала весны. Алсу погружалась в учёбу, а Марина и Инна пока ещё бездельничали, хотя читать и писать Татьяна их научила самостоятельно без сидения над учебниками. Азы алфавита и математики в их семье постигались рисованием на песке.

В октябре Счастливчик прятал в гараже любимый катер, сдувал «банан» и начинал маяться от скуки. Оживлялся он в сезон ловли лиманских креветок. Забивал ими большой морозильник в кладовке и снова принимался хандрить. Первые вылазки в гараж он прикрывал необходимостью протереть пыль с «Афалины», но в начале декабря, уже не таясь, запускал чудо-аппарат. Иногда дегустация настойки на ореховых перегородках заканчивалась вполне прилично и без последствий. Счастливчик либо засыпал прямо в гараже, либо приползал под покровом ночи в супружескую постель. Татьяна молча вздыхала, раздевала бесчувственное тело мужа и укладывала спать. Бывало, эмоциональная натура Александра требовала праздника, тогда он будил всю семью и устраивал концерт. Играл на гитаре, кружил жену на кухне и позволял дочкам себя оседлать, изображая ретивого скакуна. Несколько раз он заваливался в гости к соседу, и уже в зависимости от настроения Фёдора случалась либо драка, либо продолжение банкета.

Весной Счастливчик превращался в деятельный торнадо. Покрывал самогонный аппарат матом и чехлом. Костерил всех пьянчуг, по неосторожности заявившихся за порцией настойки. Доставал инструменты и принимался за подготовку участка и «скворечника» к новому курортному сезону.

Так Юдины и жили: играючи, весело, наслаждаясь летним солнцем и переживая скучную зиму как вынужденное явление. Легко зарабатывали и так же легко тратили деньги.

Когда масло в сковородах остывало, и корзины заполнялись ароматными пирожками, Татьяна надевала широкополую соломенную шляпу, белый фартук и выходила во двор.

Желающие покататься на «банане» не иссякали, август почти всегда был суматошным и самым прибыльным. Счастливчик не возвращался с пляжа с раннего утра. Он единственный в

семье не покидал побережье в течение дня. Всегда находились любители подрумяниться под обеденным ядрёным солнцем, их он и охлаждал, катая на катере. В случае затишья Счастливчик заваливался в домик спасателей, где мог и вздремнуть, и перекусить. Он давно не работал спасателем, в этой роли никто из нынешних обитателей вышки его не знал, но считалось естественным, что все члены семьи Юдиных использовали домик спасателей как свою собственность.

В такие суетливые дни Татьяне приходилось таскать тяжёлую корзину самой. Часть выпечки оставалась в домике и исчезала в неотслеживаемых направлениях: что-то съедали обитатели вышки, в том числе Счастливчик, что-то покупали внимательные отдыхающие, заметившие, куда ходит разносчица волшебных пирожков, перед тем как отправиться вояжировать по пляжу. Когда корзина пустела, Татьяна возвращалась домой за следующей. Иногда помогал Фёдор, на своём внедорожнике перевозил все корзины за один раз. С молчаливым надменным видом он демонстрировал вселенское великодушие, обычно раз пять повторял, что делает не требующее благодарности одолжение.

Продавать выпечку иногда помогала Алсу. Выглядеть торговкой ей не нравилось, к тому же пирожки почти не оправдывали затраченных на их приготовление денег. Абрикос плодоносил с переменным успехом, раз в два года, манго приходилось покупать. Самой большой проблемой стали оскудевшие уловы креветок. В последнюю осень Счастливчик заполнил морозильник всего наполовину, и то благодаря тому, что скупил большую часть креветок в ближайшем к лиману посёлке. Готовить из покупных Татьяна отказывалась, называла их порононом без вкуса и запаха. Она пообещала придумать новые начинки, например, из рапан, которых развелось в избытке.

Перехватив корзину удобней, Татьяна замерла, глядя на дочек: Инна мастерила из ракушек кораблик, Алсу красила ногти на ногах, а Марина болталась вниз головой, зацепившись ногами за перекладину на качелях, и таким диковинным способом рисовала мелом дельфина. Силуэт на асфальте получался кривобокий, художественные способности матери передались только младшенькой. Но Марину это не смущало, ей хватало собственной веры в талант.

В сентябре Марина должна была пойти в первый класс, но Татьяна решила придержать среднюю дочку дома и на следующий год отдать её в школу одновременно с младшей. Тихая и задумчивая Инна никак не хотела отрываться от подола, до сих пор ночью приходила в родительскую кровать и не переносила расставания с мамой. Ей требовалась защита и поддержка, что могла обеспечить смелая и подвижная Марина.

– С завтрашнего дня ты начнёшь ходить на спортивную гимнастику.

Марина раскачалась и ловко спрыгнула на землю.

– Зачем?

– Тебе полезно.

С тех пор как два года назад Марина научилась плавать, Татьяна сильно переживала за непоседливую дочку. Последнее время та взяла в привычку в одиночестве бегать на пирс и плавать далеко за буйками. Глубины не боялась и лезла даже в огороженную для катания на катере территорию. Нужно было как-то укротить свободолобивую натуру и направить лишнюю энергию в безопасное русло. Понаблюдав за Мариной, она пришла к выводу, что гимнастика ей понравится, особенно обезьяньи кульбиты на брусках.

Марина пожалала плечами, не выразив особенной заинтересованности.

– Утром?

– После обеда. Автобус в город уходит как раз за сорок минут до занятия. Приезжать будешь впритык к началу тренировки, но ничего, по-другому никак. Обрати будешь возвращаться с папой на машине или на автобусе с Алсу.

– Я и сама могу, – Марина ухватила горячий пирожок из корзины и отбежала в сторону.

– Через пару месяцев будешь ездить сама.

Алсу протяжно застонала.

– Мам, ну она же не маленькая, зачем её сопровождать? Пусть крышевой смотритель за ней присмотрит.

Инна отвлеклась от поделки.

– Ты что, он же за автобусом не полетит, потеряется.

Марина откусила от пирожка, вишнёвый сок брызнул на руки и потёк по подбородку.

– Он в кошку превратится и побежит следом.

Татьяна опустила корзину на землю и серьёзно произнесла:

– Крышевой смотритель не уходит далеко от своего дома.

Алсу фыркнула, но не стала оспаривать существование мифического смотрителя, появившегося в их жизни одновременно с повседневными вещами. Инна до сих пор не подвергала сомнению, что заросли серебристого лоха кишат ветряными феями, а крыльцо их дома обкусили ступеничные грызуны.

Марина верила выборочно, только в то, что ей нравилось. Унитазного поклоя она отвергла совсем недавно, когда увидела по телевизору, что ощущение покалывания в ногах бывает от долгого сидения где угодно, и унитаз тут совершенно ни при чём. А вот ложечный воришка и крышевой смотритель ей нравились, с ними она ещё не распрощалась.

На следующий день после обеда, Марина отправилась на первое занятие по гимнастике. По дороге на остановку вертела головой, выискивая чаек. Обычно крышевой смотритель принимал облик голубей, но ближе к морю вполне мог превратиться и в другую птицу, а то и в собаку.

За спиной болтался миниатюрный рюкзак со сменной одеждой и шлёпками, голову украшала плетёная ковбойская шляпа, украденная у отца из гаража, загоревшие запястья унизывали браслеты из мелких ракушек. С Алсу Марина договорилась, что вернётся сама. Не маленькая уже. Сестра только обрадовалась, что не придётся ехать в душный город среди дня, когда выход из тени грозит солнечным ударом. К тому же последней блажью Алсу было выбелить свою кожу до аристократической бледности.

Одиночество не тяготило Марину. Постоянное присутствие сестёр порой так утомляло, что она сбегала на пляж, никого не предупредив, чтоб мама не навязала ей в компанию Инну, а папа не отправил Алсу присматривать. Приятельства с ровесниками заканчивались, как только начиналось лето. Близких подруг у Марины не водилось, хватало сестёр. Она довольно рано обнаружила, что стимулом подружиться почти всегда служила возможность бесплатно прокатиться на «Афалине». К катеру Марина не ревновала только отца. Тот сам относился к нему как к одушевлённому существу, разговаривал и нежно поглаживал.

Первое занятие по гимнастике прошло совсем не так, как ожидала Марина. Никогда она не чувствовала себя неуклюжей или недостаточно гибкой. Бегала быстро, легко лазила по деревьям, а плавала лучше всех знакомых мальчишек. Но оказалось, её умений недостаточно для выполнения элементов, которые демонстрировали гимнастки.

Её появление восприняли откровенно враждебно. Виталий Карлович представил её девочкам, заметно смущаясь, будто Марину навязали ему помимо его желания. Двадцать одинаково стройных гимнасток в чёрных купальниках и с тугими пучками на головах внимательно смотрели на новенькую и не мигали.

В оранжевых шортах и белом топике Марина выбивалась из группы, как корова в табуне чистокровных лошадок. Осанку не держала и не могла ходить, вытягивая носок на каждом шагу. Девочки перешёптывались и хихикали, поглядывая в сторону новенькой со смесью жалости и злорадства. Виталий Карлович делал вид, что ничего странного не происходит, Марину не выделял и даже не делал ей замечаний, хотя шпагат в её исполнении напоминал широкий шаг.

Когда гимнастки стали отрабатывать переворот на брусках, Марина наконец смогла привлечь внимание тренера. Будучи совершенно неподготовленной, не знакомой с этим снарядом, она полезла без опаски. Не грациозно, но легко подтянулась и сделала несколько переворотов. Виталий Карлович присмотрелся к новенькой – возможно, из неё выйдет толк. Марина же решила, что гимнастику одолеет как непокорную волну, а на враждебность девочек не будет обращать внимания.

Стоя в фойе после занятия, Марина обнаружила, что забыла в раздевалке свои многочисленные браслеты. Перед выходом в зал пришлось снять все украшения и даже любимую шляпу. На подоконнике, куда она сложила ракушечное богатство, не доставало куриного бога на плетёной тесьме. Видимо, кто-то позарился на её талисман. Марина разозлилась: уж лучше бы забрали браслет из митилястров, чем всамделишный амулет.

В задумчивости, она приблизилась к двери раздевалки и услышала в коридоре голоса. Две женщины эмоционально втолковывали третьему собеседнику:

– Ты с ума сошел? Почему ты не отдал её мне? У меня как раз новички в этом году. Твои уже третий год занимаются, что ты будешь делать, она же ничего не умеет.

– Пусть будет. Подтянется до их уровня... – неуверенно возразил Виталий Карлович.

Другой женский голос вмешался в беседу.

– В началку её нельзя, там пятилетки, а ей уже семь. Но это лучше, чем с твоими. Слишком разный уровень.

– У неё есть потенциал. Она смелая. А ноги выровняем и спину поправим, она быстро догонит, – уже твёрже заявил тренер.

Марина дождалась, когда они покинут коридор и выскочила на улицу. Из всех фраз она запомнила только то, что она смелая, а значит, справится. Нужно всего лишь найти нового куриного бога и загадать желание.

Неделю Марина отходила на гимнастику без сопровождения, пока отец случайно не прознал, что она возвращается одна. Осуждающе покачал головой, а потом неожиданно загордился:

– Молодчина. Самостоятельная совсем стала.

Марина вспыхнула от похвалы. То, что Инна – папина любимица, ни для кого не было секретом: послушная и неконфликтная. Марина воспринимала этот факт на удивление философски. Инну она тоже любила именно за эти качества характера. Младшая сестрёнка напоминала котёнка, которого хотелось приголубить и защитить. Алсу как две капли воды походила на мать, пыталась копировать её жесты, даже использовала те же фразы. Неудивительно, что именно со старшей дочкой они были наиболее близки. Третьего родителя в семье не предполагалось, и Марина интуитивно нашла себе идеал и пример для подражания – море.

Переодевшись после очередной тренировки, она натянула на голову шляпу и вышла в фойе. Тренер дождался её, беседуя с Татьяной. Его руки беспрестанно искали себе занятие: ныряли в карманы брюк, теребили пуговицу, постукивали по подоконнику.

– Неплохо, совсем неплохо. Высоты совершенно не боится, ходит по бревну, как кошка по забору, легко и уверенно, и бруска у неё самый любимый снаряд. Но совсем нет старания.

Татьяна качнула головой, поймала взгляд дочери за спиной Виталия Карловича и приветливо улыбнулась.

– Марина будет стараться, так ведь?

Тренер ещё не заметил невольную слушательницу их разговора, не мог отвести взгляда от собеседницы.

Марина привыкла наблюдать такую реакцию мужчин и объясняла ее просто волшебством, которым владела мама.

Обойдя тренера, она встала перед ним и уверенно пообещала:

– Буду. – И, повернувшись к родительнице, добавила: – Если ты мне разрешишь кататься на «Афалине».

– В следующем году, – размыто ответила Татьяна и, взяв дочку за руку, повела к выходу.

Виталий Карлович смотрел вслед Юдиным каким-то рассеянным затуманенным взором. Неожиданно он покраснел и поспешил отгородиться дверью от притягательной чужой женщины и её дочери.

Алсу сидела в тени яблони, прямо на земле, и лениво листала журнал. Полуденная жара поутихла, воздух перестал дрожать маревом, но работа на огороде удовольствия доставляла мало.

Марина перекинула самую длинную нитку ракушечных бус за спину и наклонилась над грядкой. Морковка крепко сидела в иссохшей земле, никак не хотела вырываться.

– Тупица, возьми лопату и подкопай, – посоветовала Алсу, даже не изобразив попытки помочь.

– Сама тупица. Мама нас всех на огород отправила.

Инна выдрала самую мелкую морковку и радостно завизжала.

– Есть одна!

Она перевела взгляд на соседний участок. На открытой веранде в скорбном молчании замерли три человека, на их лицах легко угадывалась печаль.

Алсу проследила за взглядом сестры.

– Дяди Федины уезжают.

Марина отпустила измочаленный хвост морковки и беззастенчиво уставилась на постояльцев соседа.

– Наши тоже скоро уедут. Смотри, сейчас будут плакать.

– Эти не будут. На что спорим?

Марина прищурилась, углядела дрожащий подбородок женщины и уверено предложила:

– На твой браслет из белых питаров¹⁰.

Алсу приподняла запястье, рассматривая позвякивающее украшение. В отличие от Марины, увешанной ракушками в несколько рядов, она носила только его.

– Ладно, – опрометчиво согласилась она.

Три пары глаз пристально всматривались в лица курортников, ожидая проявления эмоций. Почти все приезжие проходили через одинаковые стадии: первые дни – возбуждение и удивление, чуть позже – сытое спокойствие и безмятежность, потом наступала пора затаённой печали, ну и в конце заключительным аккордом шли тоска и слёзы. У тех, кто приезжал не в первый раз, стадии смазывались и часто проходили без резких всплесков. Уверенность в том, что поездка повторится на следующий год, осветляла печаль.

Гости соседа приезжали уже третий раз, поэтому рассчитывать на рыдание было бы неосмотрительно, но накануне вечером Марина случайно подслушала их беседу. В следующем году, а может, и в течение следующих пяти лет, они не смогут позволить себе отпуск, даже такой бюджетный. Их единственный сын поступил в институт, и все сбережения сожрёт его учёба.

Первой разрыдалась женщина, муж приобнял её за плечи, и плотно зажмурился, видимо, тоже сдерживался из последних сил. Сын нахмурился и еле слышно обругал родителей за чувствительность, хотя у самого глаза заметно увлажнились.

Алсу раздражённо стянула браслет и кинула прямо на землю.

– Забирай, – захлопнув журнал, она встала и взялась за лопату. – Собирайте урожай, мелкие.

---

¹⁰ Питар – ракушка овально-треугольная с сильно завёрнутыми макушками, с горизонтальными бороздами.

С помощью Алсу с уборкой моркови справились быстро. Перенесли связанные пучки под навес и, усевшись на скамейке, принялись обрезать ботву.

Марина вытянула из общей кучи самую яркую и аппетитную морковку, обтерла о ногу и откусила хвостик.

Инна повторила за сестрой. Проигноировав уличную колонку, отгрызла от немытого корнеплода приличный кусок.

Алсу тут же раздала сёстрам подзатыльники.

– Заведётся в животе глист размером с поливальный шланг, и сдохнете в сентябре.

Глаза Инны округлились, она тут же выплюнула разжёванную кашицу, а Марина недоверчиво хмыкнула и треснула недоеденной морковкой по спине Алсу.

– Что-то ты не скопытилась в прошлом году. С нами ведь ела.

Алсу не успела ответить, из дома вышла мама и позвала:

– Девочки, если можете продать камешки, успеете с папой на рыбалку!

Сёстры синхронно подскочили, покидали морковку в общую кучу и ринулись выполнять поручение. У каждой была своя причина ехать с отцом на канал: Алсу давно и безнадежно влюбилась в Ваню – сына папиного компаньона по рыбной ловле. Инна собирала бычков для любимой кошки, только Марина действительно ловила рыбу. В этом году она обзавелась даже собственной удочкой.

Сложив расписанную гальку в несколько корзиночек, девочки побрели за мамой на пляж. Счастливчик увидел своих женщин ещё издали. Зацепил трос катера и кинулся навстречу жене. Не стесняясь посторонних глаз, обнял и впился в её в губы долгим сочным поцелуем.

Завистливые взгляды подзадоривали его, он прекрасно видел, какое впечатление производит Татьяна на окружающих. И вроде бы не красавица: пожалуй, нос несколько длинноват, а брови широки, губы по современным меркам недостаточно пухлы. Но в ней действительно было какое-то неуловимое волшебство. Оно притягивало, завораживало и заставляло восхищаться всех, кто попадал под воздействие её обаяния.

Счастливчик говорил, что Татьяна похожа на мать, наполовину гречанку, но Марина никогда не видела бабушку и представляла, что мама – песчаная принцесса, и её родословная берёт начало от джиннов. Историю знакомства родителей она знала наизусть. Иногда в ней менялись детали, кое-что она корректировала в угоду собственной фантазии, но основа была постоянной. Отец буквально похитил маму, влюбившись в неё с первого взгляда. В это охотно верилось, смотреть повторно не было необходимости.

Татьяна приехала с родителями в Штормовое, едва отпраздновав совершеннолетие. Через неделю её увидел молодой кудрявый спасатель на вышке и настоял на необходимости спасения его самого от неземной красоты. Отношения развивались стремительно. Через день он признался Татьяне в любви. Согласие стать его женой получил уже через неделю. Родители, естественно, впали в неистовство и отговаривали дочку от поспешного замужества, угрожая изгнанием из семьи и забвением. Татьяна выбрала Счастливчика, а родители вернулись в Казахстан, откуда, собственно, и приехали. Татьяна осталась в Штормовом, поселилась в доме Александра, когда ещё была жива его мама, и почти сразу забеременела.

Марина смутно помнила бабушку, которая скончалась, едва ей исполнилось три года. Казалось, что их семья всегда состояла из родителей и сестёр. Только Алсу застала то безмятежное время, когда она была единственной любимой дочкой и даже, пусть и недолго, любимой внучкой. Родители до сих пор не простили своевольную Татьяну, хотя она регулярно слала им письма и фотографии дочерей.

Марина бродила вдоль кромки прибойя, размахивая корзинкой и периодически выкрикивая заученные фразы:

– Сувениры на память о Чёрном море! Всем родственникам и друзьям. Недорого, почти даром. Ручная работа!

Алсу шла молча, чуть позади, но как только активизировались привлечённые рекламой покупатели, догоняла Марину и предлагала поделки из своей корзинки. С каждым годом такая торговля становилась для неё всё более мучительной. Она стыдилась всучивать ракушки отдыхающим, не желала выглядеть назойливой лавочницей.

Татьяна не выкрикивала рекламные лозунги, шла по песку и тихо и ненавязчиво предлагала свои изделия. Слова были те же, что произносила Марина, но выглядело это совсем иначе, мягко, почти грациозно. Будто она делала одолжение тем, что предлагала посмотреть на подлинное искусство.

Инна семенила следом, держась за подол длинной хлопковой юбки. Курортники восхищались разительным контрастом между высокой, черноволосой женщиной и её белокожей, светленькой дочкой. В таком тандеме Юдины продавали больше всего сувениров.

Корзинка у Марины пустела медленно, она успела отчаяться, решив, что рыбалка не состоится, и перестала зазывать покупателей.

– Марин, иди сюда.

Она оглянулась. На пластиковых лежаках расположилась компания студентов, что снимала у них домик уже вторую неделю. Они как раз находились в стадии затаённой печали, когда начинают посещать мысли о скором отъезде и тянет приобрести что-нибудь на память.

Звал её Алексей, самый младший среди друзей. Его тяжело было не заметить: природа щедро одарила его не только привлекательной внешностью, но и приятным характером. Никто не мог сказать, что к нему нужен особый подход или что в дурном настроении его лучше не трогать. Настроение юноши не бывало плохим. Модернизации лица в виде пирсинга в брови и серёжки в ухе ему здорово шли, придавая задора и намекая на хулиганские замашки. Слева на подбородке темнела аккуратная родинка. Алексей её называл местом для поцелуя.

Он похлопал ладонью по своему лежаку.

– Что там у тебя?

Марина протянула корзинку и села рядом, глядя на его всклокоченную макушку.

– Любимой девушке есть? А маме?

Среди плоских камушков с изображением дельфина или заката встречались и именные, на любой вкус.

Парни опустошили корзинку, положив вместо сувениров деньги. Больше всего раскрашенных гольшей забрал Алексей. Сложил их в полотенце и заговорщически подмигнул. Марина подозревала, что они скупили всё просто из благодарности за дни, проведённые в их «скворечнике», и за несколько бесплатных прогулок на катере в компании чуть подвыпившего и потому подобрёвшегося Счастливого.

Оставив пустую корзинку в домике спасателей, Марина оглядела пляж: мама вместе с Инной ушла довольно далеко, Алсу беседовала со знакомым у пирса. У неё появился шанс проникнуть на катер.

Счастливчик как раз договаривался с парочкой о последней на сегодня прогулке, когда Марина обняла его и жалостливо заглянула в глаза:

– Пап, возьми и меня, пожалуйста. Я буду тихо сидеть. Ты меня не заметишь.

Счастливчик пожал плечами. Ничего предосудительного в прогулке на «Афалине» он не видел, сам он сел в лодку, едва ему исполнилось пять лет, а Марине уже стукнуло семь. Взрослая девочка. К тому же плавает как рыба, даже лучше него самого в этом возрасте.

– Залезай, – разрешил он, протягивая детский жилет.

Для Марины это событие стало одним из самых ярких за всю жизнь. «Афалина» неслась по волнам подобно стреле. Упругий тёплый ветер бил в лицо, надувая щёки, глаза слезились, брызги освежали горячую кожу, но едва охлаждали жгучую радость, вспыхнувшую в груди подобно искре. Это было необычайно острое, даже слегка болезненное удовольствие.

Отплыв от берега на несколько сотен метров, Счастливец заглушил мотор, позволив катеру качаться на волнах подобно бумажному кораблику. Влюблённые самозабвенно целовались, не видя бескрайнего моря, раскинувшегося вокруг. С таким же успехом они могли остаться на берегу, а ещё лучше закрыться в комнате.

Марина опёрлась руками о борт и склонилась над морем: синее, плотное, не то что прозрачная водичка у берега, через которую видно дно. Солнечные лучи терялись в толще волн, создавая иллюзию бездны.

– Можно я нырну?

Счастливец перехватил замороженный взгляд дочки и неожиданно разрешил:

– Только маме не говори.

Боясь, что отец передумает, Марина поспешно расстегнула жилет. Перекинула ноги через борт, на мгновенье замерла и нырнула рыбкай практически без брызг. Вода на глубине оказалась холодной и тёмной, Чёрное море впервые оправдало своё название. Волны почти не чувствовались, мягко перекатывались, подхватывая Марину, принимая не как гостью, а как полноправную часть стихии.

Пассажиры не сразу заметили, что на борту «Афалины» не хватает одного человека. Отлепившись друг от друга, огляделись и одновременно изумлённо выдохнули. Смотрели на Марину с завистью и восхищением, но не рискнули повторить.

Она не стала испытывать терпение отца и, нырнув напоследок поглубже, приняла его протянутую руку и забралась на катер,

– Спасибо, па.

Счастливец молча кивнул. Из всех его детей только Марине достался свободолюбивый характер и любовь к морской стихии. К сожалению, его любимица Инна не смогла побороть страх и отцовской страсти к морю не разделяла.

Прогулку на катере скрыть не удалось. Когда «Афалина» причалила, Татьяна уже стояла у берега, дожидаясь мужа. Она не устроила скандал, это было не в её привычках, лишь осуждающе покачала головой, глядя на мужа чуть менее влюблённым взглядом, чем обычно.

Счастливец высадил дочь на берег и развёл руками в примирительном жесте.

– Пора Маринку познакомить с морем поближе. Не зря же она морская.

Татьяна медленно кивнула, вроде как соглашаясь, но не одобряя.

Несмотря на то, что на пляже задержались дольше обычного, на рыбалку они всё-таки успели. Алсу получила возможность пообщаться с объектом своих грёз, Инна запаслась бычками для любимой кошки Степаша, а Марина выловила трёх карасей.

Когда Юдины вернулись домой, во дворе собралась компания не только из проживающих у них студентов, но и из нескольких незнакомых девушек. На длинном столе красовалась батарея пустых пивных бутылок. В гамаке, лениво покачивая ногой, возлежал Алексей – студент, выкупивший у Марины почти все сувениры. На его животе покоилась гитара, но струны он не перебирал, постукивал по деке, как по барабану.

Увидев застолье, Счастливец встрепенулся.

– Рыбу на углях будете лопать?

Студенты одобрительно загалдели. Кто же откажется от такой вкуснятины? Тем более оставшиеся после утренней торговли пирожки бесследно сгинули в их желудках ещё три часа назад, а покупные сухарики не шли ни в какое сравнение с блюдами хозяйки этого дома. А тут ещё к ночи внезапно прорезался зверский аппетит.

Пока Счастливец подготавливал мангал, Татьяна сноровисто очистила рыбу и натёрла её солью. Алсу почти сразу ушла в спальню, перебирать в голове воспоминания о встрече с Ваней. Инна заснула на широких садовых качелях, заставив потесниться милую парочку.

Марина забралась на толстую лозу винограда прямо над гамаком и затихла в ожидании пропечённых карпов. Очень быстро о ней забыли, в беседе периодически мелькали нецензурные слова, да и сами фразы иногда звучали излишне фривольно.

Счастливи́чик охотно угостился пивом. В приподнятом настроении он священнодействовал у мангала, в разговоре почти не участвовал: следил за приготовлением рыбы.

Большинство постояльцев приезжали не первый год, и отношения с ними завязывались тёплые, дружеские. Татьяна частенько кормила гостей, хотя в их домике также была отдельная кухня. Любила угощать свежими хрустящими пирожками абсолютно бесплатно, прямо через открытое окно. Вот и в этой компании нашёлся парень, который привёз с собой друзей, а до этого два года подряд приезжал с родителями. Редко в «скворечник» Юдиных попадали незнакомцы, не рекомендованные прежними жильцами.

Наконец карпы подрумянились. Татьяна отнесла спящую Инну в дом, вернулась с чистыми тарелками и накрыла стол: дополнила ужин свежими овощами, поставила нарезанный хлеб в плетёной корзинке, домашний сыр и убрала пустые бутылки.

Девушки томно вздыхали, предчувствуя расставание с летними кавалерами, один из ребят весело предложил:

– А давайте на море пойдём купаться? В августе оно же светиться должно, – он повернулся к хозяину дома. – Светится?

– Пьяными не ходите. Плохая затея, ребята, опасная. Море такого не прощает. Завтра сходите, оно не потухнет, дождётся вас.

– Ладно, завтра обязательно сходим, – легко согласились ребята.

Отдых студентов подходил к концу, впереди их ждала учёба и дождливая хмурая осень родного Питера. Сегодня, из-за приближающегося отъезда, их охватило слезливое настроение.

Алексей взлохматил светлую шевелюру, подмигнул зелёным глазом и громко тренькнул по струнам.

– Сыграю-ка я что-нибудь весёлое, а то все какие-то вялые и скучные.

Едва он закончил проигрыш, как к нему приблизился Счастливи́чик, накрыл струны ладонью.

– Не терзай мне уши. Сейчас я вам покажу, как нужно играть.

Не спрашивая разрешения, он забрал гитару и устроился на лавке, уперев ногу в перекладину.

Марина затаилась, Татьяна вытерла руки о полотенце и обернулась к мужу с горящими глазами. Счастливи́чик нашёл её лицо, на мгновение замер, потом улыбнулся искренне и открыто. Он никогда не стеснялся демонстрировать свою любовь. Наоборот, охотно выставлял напоказ, хвастался, как самым большим достижением в своей жизни.

– Этой песней я захомотал Татьянку. Так что учитесь, студенты, пока я жив.

Он уверенно прошёлся по струнам, скривился, подкрутил колки и снова коснулся струн, в этот раз мягче и нежнее.

Заиграл, не поднимая головы, и петь начал почти шепотом с постепенно нарастающей громкостью.

*Он не любит тебя нисколечко,
У него таких сколько хочешь,
Отчего же ты твердишь, девчоночка:
«Он хороший. Он хороший».
Ты не знаешь его ни капельки.
Будет поздно, когда заноешь.
Только с виду он мальчик-паинька.
Никакой он не хороший.*

Перед припевом приостановился, поднял взгляд и воскликнул, обращаясь к жене.

*Девчонка-девчоночка,
Тёмные ночи,
Я люблю тебя, девочка, очень.
Ты прости разговоры мне эти.
Я за ночь с тобой отдам
Все на свете¹¹.*

Татьяна не отрывала взгляда от мужа, жадно ловила каждое движение пальцев на струнах, впитывала улыбку. Незамысловатая песня с простым мотивом пробрала всех. Аплодисменты прозвучали совершенно искренне. Отдав гитару Алексею, Счастливчик взял жену за руку и увёл в дом. За их спинами не раздалось не единого смешка, хотя все прекрасно понимали, что произойдёт в супружеской постели после такого эмоционального, пусть и далеко не первого признания в любви.

Алексей отложил гитару в сторону: после выступления Счастливчика наигрывать что-то другое казалось кощунством.

– Да, ребята, вот это любовь, – он тяжело вздохнул. – Я тоже так хочу. Где же такую жену себе найти?

– У Счастливчика, кстати, три дочки. Выбирай. Пусть только подрастут.

Алексей, задумчиво закатил глаза, едва не наткнулся взглядом на Марину, затихшую в переплетении лозы.

– Алсу уже сейчас красавица и явно будет копией матери. Не одно сердце разобьёт, вот увидите. Вырастет настоящей женщиной. Но влюбиться я бы смог в Маринку.

Студенты изумлённо переглянулись.

– Почему в неё? Симпатичная, но до Алсу ей далеко. Сёстры так не похожи, будто от разных отцов. Только младшая на Счастливчика похожа, и любит он её явно больше других дочек, даже не скрывает этого.

Алексей резко выпрямился.

– Алсу красива как женщина. Не сейчас. Пока ещё всё-таки ребёнок, но в ней уже проглядывает настоящая роковая красотка. А Маринка, она... в ней другая красота. Стихийная. Как море, например. Разве море можно не любить? Вот она такая, завораживает и пугает одновременно. А ещё у неё душа моря, а море нельзя приручить. А так хочется. И имя у неё морское.

На мгновенье разговоры стихли, почти одновременно грянули смешки.

– Ну ты, Лёха, даёшь!

– Лёхе больше не наливать!

– У других сестёр имена тоже неслучайные. Алсу означает «алая вода», а Инна – «бурный поток».

Алексей ухмыльнулся и снова откинулся на сетку гамака. В этот момент на него и свалилась задремавшая Марина. Хвалебные реплики в свой адрес она проспала, поэтому не смогла оценить накал истерики, которая приключилась со студентами, когда она упала в объятия Алексея.

Он не растерялся. Спустил девочку на землю и тепло улыбнулся:

– Откуда ты взялась?

Марина печально оглядела полупустые тарелки:

– Рыбу всю съели?

---

¹¹ Отрывок из песни Евгения Белоусова «Девчонка-девчоночка».

С качелей подала голос девушка.

– Иди сюда, я свою не тронула.

Марина как ни в чём не бывало слопала холодного карпа и ушла в дом.

Дождавшись, когда дверь захлопнется, студенты снова засмеялись, но уже тише.

– Не удержал ты свою стихию, Лёха. Больше не будет такой возможности.

Алексей внезапно помрачнел. Разницу в одиннадцать лет он ощущал как непреодолимый барьер. Поставить жизнь на паузу до совершеннолетия Марины не планировал, хотя эта девочка явно стоила того, чтобы подождать именно её.

2 глава. Глаза как у нерпы

Наши дни

Мужчина смотрел недоверчиво.

– И кто же поведёт катер?

– Я поведу. В чём проблема? – Марина прекрасно понимала, что настораживает собеседника. Он даже жилет не застегнул, не определился, стоит ли доверять такому несерьёзному водителю свою жизнь.

Марина уже привыкла к шуткам и подколкам со стороны отдыхающих, а вот недоверие её злило. Не десятилетняя девочка, чтобы так к ней относиться.

– А давно у вас права? – наконец, выдал мужчина.

– Нет у меня прав, – солгала Марина. – Снимайте жилет, уступите место другим желающим.

Группа в жилетах недовольно загудела.

– Мужик, хорош уже, садись в катер.

– Да есть у неё права, она всю жизнь на море живёт, я её еще девочкой тут видел. Это же дочка Счастливого.

Не выдержав давления толпы, придирчивый клиент застегнул жилет и забрался в «Афалину».

Дождавшись, когда пассажиры рассядутся на мягких сиденьях, Марина завела мотор. Как обычно, случилась небольшая ссора за право занять места в носовой части. Таких кресел было всего два, и все жаждали расположиться в первом ряду. Мужчина-скандалист отвоевал себе одно из возжеленных мест, и это на время примирило его с тем, что водитель катера – женщина.

Отдалившись от берега, Марина заглушила мотор, натянула слетевшую от движения шляпу и обернулась к пассажирам.

– Дельфинов сегодня нет. Но, кто желает, можете поплавать в открытом море. Только предупреждаю – жилеты не снимать, вылавливать вас будут уже спасатели ниже по течению. И ещё здесь водятся корнероты, а целуются они не слишком приятно.

Она сложила руки на груди, мельком глянув на прописную букву «Л» вытатуированную между большим и указательным пальцем левой руки.

Несмотря на грозные предупреждения, желающие поплавать всё-таки нашлись. Пока они плескались в море, Марина, откинувшись на спинку кресла, смотрела на блестящую воду. Линия горизонта отрезала небо от моря, не давая им соприкоснуться. Глаза слезились от яркости бликов на воде, но она смотрела неотрывно, будто наказывая себя за то, что не видела море почти два года. До сих пор не могла поверить, что уехала так далеко от этого солёного запаха, от сверкающей ночесветки и шелеста волн. Как она жила без любимой стихии, как дышала?

Бессмысленно потерянное время, принесшее только разочарование и тоску. Илья не стал ближе, хотя она бродила по улицам его родного города, пила кофе в его любимой кофейне.

Странно, но сейчас, спустя столько лет, она вспомнила его десятилетним мальчишкой, впервые увидевшим море. Тощим, бледнокожим и синеглазым.

***

Уже по шагам Марина догадалась, что мама расстроена. Обычно Татьяна передвигалась тише, чем кошка Степаша. Но не в этот раз. Видимо, неведомая печаль придавила плечи, утяжелила походку.

Марина не повернулась, продолжила рисовать, спиной ощущая присутствие мамы.

– Звонил Виталий Карлович. Он пожаловался, что ты отказалась участвовать в соревнованиях. Сказала, что это противоречит твоей религии.

Марина отложила синий карандаш, взяла зелёный.

– Ну да, противоречит.

Татьяна обошла дочку, присела на край стола.

– И какая у тебя религия? В какого бога ты веришь?

Марина увлеченно продолжила рисовать. Под нажимом стержень сломался и раскрошился.

– В Посейдона.

– Марин?

Нервно отодвинув незаконченный рисунок, она откинулась на спинку стула.

– Я слышала, что папа деньги куда-то потратил, – выдержав прямой взгляд, добавила: – Опять. На соревнования нужен спортивный купальник и сдать деньги на магнезию и утешительные подарки.

– Он купил водяной мотоцикл, а купальников у тебя полно.

– Там другие.

Марина с наигранным рвением продолжила рисовать. Никто в семье не знал, что весь год она проходила на тренировки в обычных летних шортах и футболке, тогда как другие девочки занимались в спортивных купальниках. Сама Марина не придавала этому значения, вспоминала только, когда Виталий Карлович в очередной раз делал замечание. К счастью, через пару месяцев он просто привык и оставил её в покое, решив, что в семье Юдиных не хватает средств, – побоялся выглядеть неделикатным. На результатах Марины в любом случае это никак не сказывалось.

Татьяна перевела взгляд на альбом. Естественно, Марина рисовала море. Третья часть комнаты пестрела рисунками с морскими пейзажами и изображениями дельфинов. Над кроватью Инны обои сохранили первозданный вид, зато сама постель потонула под ворохом мягких игрушек, среди которых преобладали котики. А вот угол, который облюбовала Алсу, демонстрировал, что хозяйка на пути к превращению в девушку. На тумбочке перед зеркалом в беспорядке валялись нехитрые украшения, блеск для губ и блокнот с изображением модного нынче у девушек исполнителя душещипательных песен.

Татьяна горестно вздохнула, внезапно осознав, что её девочки уже не маленькие крошки, и справляться с ними становится всё сложнее.хлопот не доставляла только тихая Инна, послушная и исполнительная, но за неё Татьяна и переживала больше всего. Алсу, судя по всему, без проблем выйдет замуж, Марина с таким характером не пропадёт, а вот покорную Инну всякий сможет обидеть.

Тряхнув головой, Татьяна снова вернулась к разговору о предстоящих соревнованиях.

– Найдём деньги. Ты будешь участвовать. Тренер говорит, на брусках у тебя все шансы на победу. Через две недели приедут первые отдыхающие, проживём как-нибудь, сезон вот-вот начнётся.

За год, что Марина посещала секцию, она не только подтянулась до уровня других девочек, но и начала делать успехи на зависть тренерам других групп. Виталий Карлович всё так же ругал её за отсутствие стабильности и нежелание подчиняться. Стоило ему отвлечься на дру-

гих подопечных, Марина тут же переставала обрабатывать элементы и просто лежала на матах, раскинувшись звездой, или болталась на перекладине. А перед тем, как выполнить элемент, могла и поспорить о его необходимости.

В комнату вошла Алсу, плюхнулась на свою кровать.

– Я закинула в стирку шторы и покрывала, пусть теперь мелкие полы в «скворечнике» помогут.

Татьяна погладила Марину по макушке и подмигнула, намекая, что с участием в соревнованиях вопрос решён.

– На июнь и июль домик уже занят, сегодня папа договорился с новенькими, они первый раз едут к нам. Целая семья.

– С детьми? – заинтересовалась Алсу.

– Даже двумя. Мальчишки-погодки. Фамилия у них необычная – Ибер. Вроде французская. Почти на весь август приедут.

Алсу погрустнела: с мальчишками общаться ей не нравилось, особенно с теми, что младше. Частенько гости делали из неё бесплатную няньку для потомства, а сами сбегали на пляж. Ей и своих сестёр хватало. Если Маринка почти всегда ускользала из-под опеки, то докучливая Инна до сих пор не могла обойтись без присмотра и беспрестанно нудила.

Соревнования по гимнастике совпали с приездом первых отдыхающих. Татьяна чуть ушила старый слитный купальник Алсу, добавила на кайму пайетки. Переливы цвета от бирюзы до насыщенной синевы на материи смотрелись очень красиво. Правда, девочки в секции разглядели в одеянии обычный купальник, но ехидничать не стали. С тех пор как новенькая подтянулась до их результатов, гимнастки охотно приняли её в свою компанию. Только вот Марина не стремилась дружить, всё так же бродила сама по себе.

Подбодрить ее пришла только мама, на награждение остаться не смогла, пришлось вернуться домой и исполнять роль радушной хозяйки. Счастливчик доставил гостей, а вот размещением занималась именно она.

Гимнастика Марине совершенно не нравилась, девочка томила в душном зале, порываясь убежать к морю, посещала тренировки, только чтобы не расстраивать родителей.

Второе место на брусках и первое на бревне стали неожиданностью для самой нерадивой гимнастки. Виталий Карлович, сияя ярче кубка, вручил Марине грамоту, надел на шею медаль и оглянулся в поисках высокой стройной фигуры Татьяны. Не увидев её среди болельщиков, растерялся, а блеск в его глазах заметно потускнел. Зато перед коллегами он реабилитировался. Если раньше кто-то ещё перешёптывался за его спиной, то теперь Марина полностью оправдала своё присутствие в секции.

С этого дня начался отсчёт нового курортного сезона. Водный мотоцикл очень быстро себя окупил. Как только Счастливчик его зарегистрировал и объездил, повалили желающие покататься. У молодёжи аттракцион пользовался особой популярностью и приносил ощутимый доход. Только вот деньги, как обычно, не задерживались в руках Юдиных, растворялись незаметно. Спортивную форму и новый купальник для Марины купили с первой прибыли от новой игрушки Счастливчика.

Не сговариваясь, начала августа ждали все. Втайне надеялись, что с новыми гостями повезёт, всё-таки почти месяц им предстояло жить бок о бок с семьёй Ибер. Часть денег постояльцы оплатили заранее, зарезервировав домик, теперь же осталось дожидаться их самих.

Счастливчик нервничал. На его памяти был неудачный опыт соседства со скучными до скрежета зубов постояльцами. За ту неделю, что они провели в «скворечнике» он искусал себе все ногти и даже увлёкся дегустацией, что летом было под строгим запретом. Позволялось только пиво, и то в умеренных количествах. Те гости не любили музыку, гомон детей их утомлял, море беспрестанно воняло, а продавцы фруктов словно нанесли им личное оскорбление высокими ценами.

У Счастливого была возможность сбежать от вечно недовольных курортников, а вот Татьяне приходилось выслушивать потоки желчных обвинений в адрес провинциального посёлка, правительства и всего мироздания. Девочки старались не показываться им на глаза, чтоб не стать объектом приложения их педагогического опыта.

В день приезда гостей август смилостивился и чуть приглушил жару. С моря дул лёгкий свежий ветер, наполняя воздух запахом йода и соли. Сёстры расположились за длинным столом, в окружении ракушек и гольшей. Тяжёлые гроздья раннего винограда едва не касались головы, а вот изабелла, посаженная ради пышности беседки, а не вкусовых качеств, только начала темнеть, причём как-то выборочно, отдельными ягодами.

Марина увлечённо мастерила книгу-наоборот, зажав в уголке губ кислый усик винограда. Читать книгу требовалось задом-наперёд и справа-налево. Писала Марина с жуткими ошибками, но, к счастью читателей, на страницах преобладали иллюстрации. Через месяц ей и Инне предстояло пойти в школу. Из наблюдений за Алсу Марина сделала вывод, что учиться ей не понравится, а Инна заранее боялась незнакомых ребят, которых ей предстояло величать одноклассниками.

Татьяна сосредоточенно выводила на гальке дельфина. Кисточка чётким отточенным движением скользила по гладкой поверхности, вырисовывая плавник и цветной мяч над носом символа Чёрного моря. Из кухни доносилось бурчание большой кастрюли, загруженной кукурузой. Над уложенными плотным слоем листьями и рыльцами клубился аппетитный аромат.

Гости прилетели в столицу края на самолёте, до Анапы добирались на автобусе. Замученных дорогой, на автовокзале их встретил Счастливчик. Он первый и вошёл во двор. Увидев на лице мужа улыбку, Татьяна заметно расслабилась и повеселела. Изображать радушие Счастливчик не умел и не старался. Если ему кто-то нравился, он буквально душил объект своей симпатии в тисках дружелюбия. По счастью, понравиться ему было несложно.

Вслед за хозяином дома во двор вошла семейная пара. Невысокая женщина с королевской осанкой и молочно-белой кожей. Маленькая, аккуратная, словно фигурка из фарфора. После путешествия она выглядела усталой, причёска несколько растрепалась, но даже сквозь эту вынужденную небрежность проглядывала ухоженная красота. Чуть позади шёл её муж. Такой же светлокосый, чем-то неуловимо похожий на супругу, но, в отличие от неё, темноволосяй. Он оглядел двор, широко улыбнулся и бухнул чемоданы на асфальт, освобождая руки, чтобы обнять пространство перед собой.

– Ну, здравствуй, отпуск долгожданный! Привет, хозяева, принимайте гостей.

Татьяна встала кисточку в стакан с водой и вышла из-за стола. После приветствия главы семейства Ибер она догадалась, отчего Счастливчик так довольный улыбается. Наверняка успел подружиться с этим шумным мужчиной. Второй причиной искренней симпатии послужили удочки, торчащие из объёмной сумки гостя. Человеку, уважающему рыбалку, её муж мог простить все грехи мира, кроме занудства.

Из-за спин родителей почти симметрично выглядывали худые мальчишки. Русоволосые, темноглазые и бледные, как и все приезжие в первые дни пребывания на юге. Тот, что повыше, снова спрятался, а невысокий щуплый мальчуган, ровесник Марины, вышел вперёд, кивнул взрослым в качестве приветствия и устремился к столу.

Остановившись напротив сестёр, протянул руку.

– Привет, меня зовут Илья.

Алсу неопределённо хмыкнула и чуть отстранилась. Инна посмотрела на гостя глазами лемура. Тот смутился и уже собрался спрятать руку, но Марина резко встала, передвинула усик винограда в другую сторону и уверенно пожала узкую прохладную ладонь.

– Привет. Я Марина.

Знакомиться через рукопожатие ей ещё не приходилось. Даже местные мальчишки не использовали этот взрослый жест. Не зная, как следует себя вести, она на всякий случай стис-

нула пальцы крепче, чтоб обозначить своё превосходство. Он не растерялся, сжал её ладонь в ответ. Так они и стояли, меряясь силой и глядя друг на друга. Тёмно-синяя, почти чёрная, радужка чужеродно контрастировала с белой кожей, казалось, у зрачков Ильи нет дна. Марина сразу же подумала, что глаза у него, как у нерпы, непроглядные блестящие бусины, а Илья, в свою очередь, сравнил Маринины с глазами хаски – пронзительно прозрачными. Оба не моргали, ожидая капитуляции противника в поединке взглядов.

Болезненную игру в гляделки оборвал брат Ильи. Он тоже протянул руку для знакомства, предлагая Марине переключиться на его ладонь.

– Я Дима, – он оглядел разбросанные на столе ракушки. – Ух ты! Круто. Это что, рапана?

Сёстры синхронно горестно вздохнули. Почему-то у всех приезжих восторг вызывали именно закрученные крупные ракушки хищных моллюсков.

Дима оказался ровесником Алсу, хотя выглядел заметно младше из-за щуплого телосложения. Илья, несмотря на худобу, вполне соответствовал десятилетнему возрасту, а в росте даже обогнал старшего брата. Волосы у него были светлее, чем показалось с первого взгляда, пшенично-русые и слегка волнистые. На затылке и висках Марина углядела «завлекалочку», как у неё, только гораздо короче.

Желая откормить детей и оздоровить в водах Чёрного моря, Раиса Константиновна Ибер выбрала Турцию, но муж настоял на Анапе. Как только он узнал, что недалеко от курорта расположилась Мекка рыболовов, возрадовался, как ребёнок. Вячеслав Аркадьевич обожал рыбалку даже больше собственной работы. А, по его заявлениям, лучше профессии врача может быть только женитьба на другом враче.

Супруги Ибер являлись представителями этого благородного ремесла. Вячеслав Аркадьевич представлялся мадамским лекарем, считая, что гинеколог звучит слишком примитивно. Ввиду особенностей профессии о работе он рассказывал мало, без подробностей и только в мужских компаниях. Не озвучивал род деятельности, пока в этом не было необходимости. Иначе почти у каждого собеседника тут же находилась родственница с каким-нибудь любопытным недугом, который срочно следовало обсудить, а ещё лучше продемонстрировать доктору Петрушенко, минуя длинную очередь в его приёмной.

Раисе Константиновне в этом смысле повезло больше. Она трудилась стоматологом, могла бы рассказать множество интересных и необычных историй, если бы обладала чувством юмора. Флегматичная от природы, она легко держала дистанцию в разговоре, тактично осаживая излишне назойливых собеседников, фамилию Ибер носила с особой гордостью. Её родословная брала начало где-то во Франции, причем семья считалась аристократической, хотя благородная кровь варварски разбавилась в начале прошлого века после нескольких союзов с простолюдинами. Согласившись стать супругой гинеколога, Раиса Константиновна настояла на сохранении своей фамилии, и оба сына получили её в наследство. Теперь этот факт всё чаще становился причиной их размолвок. Спустя несколько лет после заключения брака, Вячеслав Аркадьевич решил переиграть этот пункт брачного договора. Дальше обсуждения дело пока ещё не заходило, но с каждым годом он всё больше склонялся к мысли, что сглупил, позволив детям носить фамилию жены. Хотя не мог не признать, что Петрушенко звучало излишне простецки в сравнении с французской фамилией супруги.

Когда-то влюбившись в необычную кукольную красоту Раисы Константиновны, он готов был пойти на любые условия, чтоб заполучить её в жёны. Даже скрыл своё пристрастие к футболу и рыбалке и в спешном порядке ознакомился с театральными премьерными и художественными выставками. Но всю жизнь стоять на носочках невозможно, так и налёт притворства довольно скоро дал трещину. Чувства к жене поутихли, и он решил явить миру своё истинное я. Раиса Константиновна порядком удивилась, обнаружив под личиной элегантного поклонника обычного мужчину с плебейскими увлечениями. Сейчас их брак больше походил на череду уступок и компромиссов, партнёрство с затаённым раздражением.

Если Раиса Константиновна покупала абонемент в театр, её муж тут же отвоёвывал себе выходные на даче в компании друзей, любителей охоты и рыбалки. Вот и с отпуском получилось так же. Они договорились чередовать поездки: один год в Анапе, следующий – на усмотрение супруги.

Устав с дороги, гости первым делом выкупались и решили отдохнуть. Только уложить мальчишек, впервые оказавшихся на юге, не удалось. Оставив родителей осваиваться в «скворечнике», братья вернулись во двор. Влиться в компанию сестёр без разрешения не рискнули, замерли в стороне, боязливо переминаясь.

Увидев их топтания, Марина махнула рукой.

– Идите есть кукурузу.

Татьяна как раз поставила на подоконник глубокую миску с ярко-жёлтыми початками. В Москве тоже продавали кукурузу, но никогда она не пахла так одуряюще аппетитно. Дима оглянулся на окно спальни их домика, словно спрашивая разрешения у матери, и с опаской взял початок.

Алсу и Марина, переглянувшись, одновременно решили, что перед ними маменькин сыночек, а вот с младшим братом пока непонятно. На вид худой и хилый, но не такой пугливый.

Илья ухватил горячую кукурузу и едва не обжёг губы. Марина пододвинула к нему стакан с водой.

– Нужно рот шире растягивать, чтоб зубами хватать, – принялась она обучать его детским премудростям.

– Спасибо.

Ели в молчании, приглядываясь к друг дружке, гадая, какой месяц их ждёт впереди и смогут ли они подружиться.

На аромат кукурузы пришёл Счастливчик. Потянул носом, изображая мышь, унюхавшую сыр.

Сев напротив гостей, выбрал самый крупный початок и с наслаждением вгрызся в него, не боясь обжечься.

Илья удивлённо пощупал лежащую пред ним кукурузу.

– Горячо же.

– Не страшнее, чем поцелуй медузы. А я их знаете, сколько перецеловал, пока не женился.

– Разве не жаб целуют? – удивился Дима.

– Что я, дурак, жаб целовать.

Расправившись со своей порцией, он чмокнул Инну в макушку, погладил Алсу по руке, а Марину посадил на плечи.

Покружил её по двору и вернулся к столу. Марина чуть приподнялась, потянулась к спелой янтарной грозди винограда над головой. Продолжая держаться руками за подбородок отца, ухватила зубами нижнюю ягоду и откусила. Чуть погодя повторила этот манёвр.

Счастливчик держал елозящую Марину за колени и вдохновенно рассказывал мальчишкам о громадной медузе, что водится в море.

– Цианея просто гигантская, если такая поцелует, только труп и останется. Совсем не красивый труп.

Дима побледнел.

– А у вас они водятся?

– Это мы у них водимся, а они живут в море. Это их дом.

Марина снова поймала ягоду губами и уже откусила, когда увидела в распахнутом окне «скворечника» Раису Константиновну.

Женщина смотрела на неё со смесью ужаса и брезгливости.

– Господи, виноград же немый!

Счастливчик поднял взгляд на гостью в окне и искренне возмутился:

– Как это немытый. Вчера дождь был.

Марина продемонстрировала зажатую между зубов налитую соком жёлто-зелёную ягоду и раскусила с видимым удовольствием.

Раиса Константиновна покачала головой и отступила назад в комнату. Оглянулась на мужа, наблюдавшего беседу со стороны.

– Чувствую, будет весело, – мрачно произнесла она.

Раиса Константиновна смогла удержать сыновей во дворе ровно до четырёх часов, и то благодаря запугиванию раковыми заболеваниями от солнечного излучения. Илья почти поверил, что этот самый рак, в его воображении похожий на инопланетного монстра, караулит на пляже и набросится, как только узрит его бледную кожу.

Заставив Илью и Диму надеть кепки, она украсила голову белой шляпой и всучила мужу огромную яркую сумку. Счастливчик сбежал на пляж ещё пару часов назад, Татьяна продолжила расписывать гальку, поэтому честь проводить гостей к морю выпала сёстрам.

Взрослые шли не торопясь, а дети от нетерпения подпрыгивали, оббегали их по кругу, не в силах сдержать возбуждение от предстоящей встречи с морем. У канала Марина свернула заранее, не доходя до моста. Илья дёрнулся за ней, но был остановлен бдительной мамой, увидевшей, что мостом в той стороне и не пахнет.

Марина заскочила на узкую трубу, балансируя на цыпочках, легко перебежала на другой берег и уже оттуда помахала рукой. Супруги Ибер переглянулись, Вячеслав Аркадьевич едва не ринулся вслед за убегающей девчонкой.

Алсу бросила взгляд в сторону удаляющейся сестры и сказала совершенно спокойно:

– Маринка всё время так делает. Не пугайтесь, не потеряется.

Они дошли до деревянного моста, выгнутого над каналом каким-то сказочным манером. В отличие от трубы, он выглядел надёжно, но всё равно скорбно скрипел, пугая шаткостью.

У рощицы серебристых лохов Дима приостановился.

– Они прямо в песке растут?

С ближайшего к тропе дерева прыгнула Марина. Оказывается, она далеко не ушла, дожидалась, сидя на ветке.

– Они в песок растут. То, что сверху – это корни, само дерево под землёй. И оно хищное, может ухватить за пятку. Если наступите на что-то острое, знайте – это зубы.

Казалось, что сильнее побледнеть уже невозможно, но Дима смог. Приблизившись к отцу, он случайно наступил на край ракушки и вздрогнул будто от удара током.

Инна нащупала ладонь стоящего рядом Ильи и крепко сжала её. Неосознанно в первый же день она избрала приезжего мальчишку в защитники. Сёстры выросли на сказках Татьяны: Алсу распрощалась с ними несколько лет назад, Марина придумала собственные, а Инна до сих пор наивно верила, что всё это существует, и Марина регулярно пользовалась её пугливостью, правда, и сама поддавалась этим фантазиям.

Раиса Константиновна покачала головой.

– Дим, ты что, не видишь, это шутка.

Илья сжал кисть Инны и не выпускал до самого пляжа. Как только они вышли из-за дюн, перед ними раскинулся плоский песчаный пляж. Углядев синюю полосу моря, мальчишки неосознанно ускорились. В их глазах горели восторг и изумление. Марина вприпрыжку ринулась к воде, но притормозила, как только ноги погрузились в топкий песок. Она развернулась и, приставив ладонь козырьком ко лбу, поглядела на приближающихся к ней гостей.

Взрослые вели себя довольно сдержанно. Раиса Константиновна заприметила свободное место и принялась раскладывать вещи. Её муж торопливо уложил покрывало и уже стаскивал с себя футболку, старательно втягивая чуть обвисший живот. В одежде он казался сухощавым,

правда, совершенно не спортивным, а в таком виде, в одних плавках, выглядел беззащитным, словно улитка без раковины. Кожа белая до синевы, с чётким рисунком вен.

Впервые увиденное море производило неизгладимое впечатление. Подавляло своим величием, пугало и восхищало. Диму больше пугало. Он бродил вдоль кромки моря по колено в воде, делал вид, что не хочет купаться, потом заявил, что будет позагорать и улёгся на полотенце, подставив солнцу сутулую спину.

Раиса Константиновна покрыла себя толстым слоем крема, собрала волосы в тугий узел и снова вернула шляпу на макушку. В море заходила постепенно, привыкая к объятиям волн. Как только вода достигла груди, женщина остановилась и, подняв подбородок, поплыла вдоль берега. Когда она закончила водные процедуры, а выглядело это именно так, лицо осталось совершенно сухим, а аккуратный макияж – непопуганным.

Увидев своих гостей, Счастливчик раздобыл для них пластиковые лежаки и полосатый зонт и снова убежал катать курортников на «банане». Раиса Константиновна перебазировалась на лежак в тень зонта, достала книгу, и с видимым удовольствием погрузилась в чтение. В море больше не заходила.

Илья купался под её бдительным присмотром, всё время порывался уплыть за Мариной, но как только вода доходила ему до подбородка, вынужденно возвращался назад. Плавать, как Марина, он не умел. Вообще никак не умел. Она же бесстрашно ныряла, практически без брызг исчезала под водой и появлялась довольно далеко от места погружения. Плавала беззаботно и красиво, рассекая воду то размашистым кролем, то спокойным брассом, оставляя над поверхностью только тёмную макушку и фыркающий нос.

Алсу осталась на берегу, присматривать за Инной. Накупавшись до красных глаз, Илья примостился рядом с ними и принялся строить песочный замок. Ему досталась роль водоноса. Наклонившись, он зачерпнул воду в сложенные ладони и едва не вскрикнул от неожиданности. Вместе с очередной волной к берегу приплыла Марина. Он её даже не заметил, настолько идеально она слилась с морем. Только волосы, как чёрная клякса, расплылись вокруг головы, выдавая её присутствие.

Коснувшись животом берега, она упёрлась локтями в песок и наполовину выбралась на сушу. Волна покачивала её, нежно ласкаясь к загорелой коже. Бусы из ракушек частично утонули в прибрежной пене.

Илья оторопело проморгался.

– Море такого же цвета, как твои глаза.

Марина налепила на его колено ком мокрого песка.

– Неправильно говоришь. Мои глаза цвета моря, – она подтянулась на руках и полностью выбралась на берег. – Потому что я всамделишная русалка.

Илья опустил на песок.

– Ты же опять шутишь?

– Не шучу, – категорично заявила Марина и, резко развернувшись, в три шага забежала в море.

К приезжим, да ещё не умеющим плавать, она чувствовала что-то сродни жалости, будто к птицам с оборванными крыльями.

На правах гостя Счастливчика Вячеслав Аркадьевич получил возможность прокатиться на катере вне очереди и даже не один раз. Он, не стесняясь, визжал от восторга, вызывая своим бурным весельем осуждающие взгляды Раисы Константиновны. Муж неприятно удивлял её своей несдержанностью и не подобающей возрасту ребячливостью. Последнее время она всё чаще склонялась к мысли, что совершенно его не знает.

Книгу она уже не читала, никак не могла сосредоточиться, поэтому приглядывалась к отдыхающим. Пляж оказался намного лучше, чем она ожидала: чистый, не переполненный людьми, как в самой Анапе и любимой Турции. Пока она ещё не определилась, нравится ли ей

такой отдых и тесное соседство с многодетной семьёй Юдиных. Не так она себе представляла летний отпуск, совсем не так. Такое существование предполагало слишком уж близкое общение. А вот детей и мужа, кажется, всё устраивало, может, для них и лучше, что первое знакомство с морем состоялось в родной стране, без необходимости приспособливаться к другому менталитету и непонятному языку. Поразмыслив, Раиса Константиновна почти уговорила себя расслабиться и получать удовольствие от отдыха.

Домой они вернулись, когда небо над морем заалело. К вечеру поднялся ветер, небо заволокло сизыми тучами, и спасатели объявили, что завтра, скорее всего, вывесят чёрный флаг.

Юдины разбрелись кто куда и, к удивлению Раисы Константиновны, не планировали семейной трапезы. Она же загнала всех по очереди в душ, потом воспользовалась отдельной кухней и приготовила полноценный ужин для своей семьи. Только убедившись, что сыновья очистили тарелки, она выпустила их во двор. Убирая со стола посуду, выглянула в открытое окно и замерла.

Девочки прикатали большой арбуз, кое-как установили его на столе и срезали макушку. Делить на дольки не стали, взяв ложки принялись есть красную мякоть прямо так, словно из глубокой чашки. Прикончив его, залезли через окно в кухню, чем-то погромели и выбрались с пирожками и бутылкой кваса. Судя по всему, это и был их ужин.

– Бедные дети, растут как трава придорожная, собственным родителям на них наплевать.

Вячеслав Аркадьевич отвлёкся от кружки чая, проследил за взглядом жены, но ничего не сказал.

Татьяна вернулась, когда двор обступили фиолетовые сумерки. Поставила на лавку пустую корзинку и, опустившись на качели, подозвала дочек.

– Русалочки мои, встретили сегодня счастье?

Инна прильнула к боку мамы, Алсу положила голову ей на колени, Марина привычно устроилась на толстой наклонной лозе, прямо за спиной Татьяны. Степаша поприветствовала хозяйку громким урчанием и устроилась на соседней ветке. На Марину взглянула высокомерно, уже не пытаясь понять, почему человеческий детёныш постоянно занимает её лежбище.

Девочки принялись наперебой делиться впечатлениями. Инна больше жаловалась, Алсу сосредоточенно перечисляла события, зная, что мама ждёт пересказ приятного, а не всего подряд. Марину, как обычно, счастье поджидало на каждом шагу, и о каждой встрече хотелось подробно рассказать.

Татьяна медленно покачивалась на широких качелях, выслушивая своих дочек. Заметив паузы во фразах, встрепенулась.

– После моря сполоснулись?

– Все помылись, только зубы ещё не чистили, – ответила за всех Алсу. Как самая старшая, она загоняла в летний душ младших сестёр, а Инну даже намывивала самостоятельно.

Татьяна удовлетворённо кивнула и снова, оттолкнувшись ногой, раскачала качели. Марина перебралась с лозы на деревянную скамью и вытянулась во весь рост.

В «скворечнике» на втором этаже в открытые окна дул свежий ветер, Илья не спал, прислушивался к тихой песне. Татьяна, убаюкивала свих дочек прямо на улице в объятиях наступающей ночи.

*Облака, как лодочки,
Медленно плывут,
Народятся звёздочки,
В грёзы унесут.
Загадай желание,
Сбудется оно,
Только этим вечером*

*Не закрой окно.
Поплывём на лодочке
В тёмный небосвод,
И коснёмся звёздочки:
«Сладко спи» – шепнёт¹².*

Его мама никогда не пела колыбельных. Довольно быстро она приучила сыновей засыпать самостоятельно в отдельной комнате, а беседы перед сном считала детскими капризами. До сегодняшнего дня он даже не подозревал, что можно тосковать по тому, чего в его жизни никогда не было.

Весь следующий день лил дождь, ветер трепал деревья, пугая громовым шумом моря. Гул волн слышался настолько отчётливо, будто море подкралось к самому забору и намеревалось поглотить посёлок со звучным названием Штормовое, начав с крайнего дома. Двор засыпало листьями и ягодами винограда, прямо за воротами образовалась бурная река, устремившаяся к каналу. Впервые за лето уровень воды в нём достиг выгнутого мостика.

Постояльцы молча смотрели в окно, прощаясь с солнечным отпуском. Едва Раиса Константиновна начала шумно возмущаться, что отдых безнадёжно испорчен, как дождь неожиданно закончился. Она не знала о переменчивости южной погоды и приготовилась ворчать долго и обстоятельно.

Утром следующего дня гостя отправилась в Анапу разузнать о полезных развлечениях для детей и познакомиться с городом. Едва она села на автобус, Счастливчик сделал её мужу предложение, от которого тот не мог отказаться, – позвал на рыбалку. Вячеслав Аркадьевич получил наказ приглядывать за детьми, но желание поудить с лодки в компании опытного рыбака пересилило чувство ответственности. Без угрызений совести он сдал своих сыновей на руки Татьяне и ринулся за дочками.

Пообедав дынями и персиками, дети расселись за длинным столом и принялись разрисовывать гальку, правда, надолго их терпения не хватило. Солнце вернулось на небо, укутавшись в покрывало облаков, светило на удивление ласково, несмотря на полдень, не кусалось, притворялось безопасным. После недолгих уговоров сёстры убедили маму отвести их на море. Просто подышать солёным воздухом и посидеть на краю пирса, обещая не приближаться к воде, переодеться не стали, пошли в той же одежде, что и были.

У канала Марина, как обычно, вскочила на трубу и, легко переступая босыми ногами, перебралась на другой берег. В этот раз Илья последовал за ней. Ступил на прогретый металл неуверенно и едва не соскользнул. Марина стояла у противоположного края трубы и смотрела на него, слегка наклонив голову.

– Сними шлёпки.

Илья послушно последовал совету и разулся.

Первые шаги получились осторожными и неловкими, но с середины он выровнялся, нашёл глазами лицо Марины и, уже не глядя под ноги, добрался до берега. Она протянула ему руку, помогая выбраться на склон и улыбнулась.

– Маме не говори, отругает.

Илья кивнул, он и без напоминания догадался, что хождение по трубе лучше оставить в секрете.

Пляж выглядел непривычно пустым. Вдоль берега бродили одинокие люди, заскучавшие дома. Желающих рискнуть и искупаться в беспокойном море не наблюдалось. Татьяна повернулась к Марине и взглядом предупредила, чтобы та не совалась в воду. Над домиком спаса-

---

¹² Автор колыбельной Благодарная Лилия.

телей реял чёрный флаг. Море не штормило, но и спокойным не выглядело, волны перекатывались шумно, с утробным рычанием, будто продолжали злиться.

Илья с удивлением приблизился к морю. Кромку прибоя устилали полупрозрачные тела медуз. Дима отступил.

– Это что за желе?

– Медузы, – подала голос Инна.

Марина опустила на колени и взяла в ладонь небольшую неподвижную кляксу.

– Не все. Почти все аурелии, но не все.

– Мнемнеописис, – пояснила Татьяна, но, увидев на лицах мальчишек удивление, догадалась, что понятней им не стало. – Не все выброшенные на берег – медузы, некоторые гребневика, если присмотреться, видно, они не так выглядят, не округлые, хотя тоже похожи на желе.

Дима неосознанно передёрнулся.

– Брр. Сколько их тут.

– После шторма так бывает. Они неопасны, – успокоила Марина и ласково погладила медузу по прозрачному боку.

– А корнероты? – вмешался Илья. – Они очень опасны и жалят.

Марина обернулась с нескрываемым изумлением в глазах. Для приезжего он знал о море слишком много.

– Тут их нет. Обычно корнероты шторм переживают на дне. Ну а если встретите, просто не трогайте, они же вас не трогают.

Марина оглядела берег, густо усеянный шайбами медуз, положила аурелию на песок и направилась к пирсу. Волны бились о деревянные опоры, разбрызгивая пену, старались достать до деревянного помоста. Марина шла медленно, не оглядываясь, хотя слышала шаги за спиной. Приблизившись к огороженному канатом краю, замерла, впитывая отголоски буйства стихии всей кожей. Здесь ветер ощущался гораздо сильнее, трепал волосы и легкие нити ракушечных бус. Волны бесновались, пытаясь дотянуться до людей и прогнать их на берег, мстительно кололись брызгами.

Илья смотрел на Марину, не в силах отвести глаз. Хотел развернуться и уйти, чтобы не нарушить её чарующее единение с морем. Было в этом что-то волшебное, и при этом абсолютно естественное.

Она сама повернулась и махнула рукой, призывая подойти.

– Жалко, мама не разрешает плавать, хотя шторм уже утих.

Илья опустил взгляд на море, сегодня оно казалось хищным, и желания в него нырнуть не возникало.

– Опасно же.

Она покачала головой.

– Тягуны опаснее. В такую погоду я уже купалась. Только ты меня не выдавай. Мама не знает.

Илья веско кивнул, чуть придавленный грузом озвученного секрета.

– Ты и зимой, наверное, купаешься?

– У нас и зимы-то толком нет, – сказала она, а через секунду добавила: – В этом году купалась один раз. А хочешь, я научу тебя плавать?

– Хочу, конечно, – без раздумий согласился Илья.

– Завтра и начнём.

Сдержав обещание, Марина принялась обучать Илью премудростям кроля и брасса, другими видами она и сама не владела. Мальчик оказался способным учеником, только слишком нервным. Марина с удивлением обнаружила, что Илья совсем не тихий и забитый заморыш, каким представился в первые дни знакомства. Когда у него что-то не получалось, он мгновенно вспыхивал, психовал и какое-то время отказывался обучаться. Потом сам приходил и просил

продолжить уроки. За две недели кое-как освоил брасс, кроль ему никак не давался, почему-то даже лежать звездой на поверхности не получалось, тут же тонули ноги, а вслед за ними он погружался под воду весь, тихо и без трепыханий, как терпящий бедствие корабль.

Раиса Константиновна бдительно следила, чтобы сыновья не обгорели, обильно смазывала их кремами до и после загара, а в итоге упустила мужа. Уже на третий день он пережил лихорадку, сметанное увлажнение, а потом и смену кожи. Сыновья изумлённо наблюдали за слезающими с плеч прозрачными лохмотьями. Спорили, кто отдерёт кусок побольше, и временно прозвали папу удавом.

Дима умудрился остаться почти белым. Видимо, ему досталась от природы светлая кожа, небогатая меланином, а Илья загорел. Со смуглой Мариной он пока не сравнялся, но уже не выглядел как тушка покупной замороженной курицы. Светло-русые волосы на макушке выгорели целыми прядями, а завлекалки стали совершенно блондинистыми.

Несколько раз в неделю семейство Ибер отправлялось в Анапу за интеллигентным отдыхом, но большую часть времени они проводили в Штормовом, наслаждаясь морским воздухом и щедрым солнцем. Вячеслав Аркадьевич периодически сбегал на рыбалку в компании Счастливого. Иногда они возвращались почти без улова, только с бычками для Степаши, но настроения это им совершенно не портило.

Неосознанно гости подстроились под режим Юдиных. Утром нежились на пляже, в обед устраивали себе сиесту и активизировались только к четырём часам дня, когда жара постепенно стихала. Раиса Константиновна исправно готовила каждый день, с энтузиазмом пичкая семью местными фруктами и овощами. Каждый раз, перед тем как порезать в салат помидор, она подносила его к носу и нюхала.

– Какой аромат, я и не подозревала, что помидоры так пахнут!

Такого же искреннего восхищения удостаивались и все фрукты. Прежде чем что-то съесть, она обнюхивала каждый и закатывала глаза.

Вместе с Юдиными они не питались, но постепенно Раиса Константиновна начала принимать угощение Татьяны, пусть не в качестве основного блюда, но хотя бы десерта или завтрака. У неё даже появились любимые пирожки – с персиками и ядрами абрикоса.

Марина затаила дыхание. Зонтики укропа над головой слегка покачивались от ветра, словно никто их и не потревожил минутой ранее. Но он всё равно мог найти её по примятой траве. Зря она так неслась. Сама же и вытоптала дорогу к своему укрытию. Руки судорожно стиснули оружие, пластиковая ручка упёрлась в живот, но шевелиться было ни в коем случае нельзя. Она слышала его шаги: он где-то здесь. Главное, выдержать и не шелохнуться.

Совсем рядом хрустнула сухая веточка. Марина резко подскочила, выставив перед собой пистолет. Из прозрачного дула прямо в лицо Илье выстрелила длинная струя воды.

– Попался! Это кислота, у тебя теперь нет глаз!

Илья изобразил слепоту, заметался по укропу, выставив вперёд руки, и рухнул на землю. Водяной пистолет приземлился рядом.

Марина победно воздела руку и заулюлюкала, как Тарзан, тут-то Илья её и настиг, выстрелил, лежа на земле, прямо в живот.

– Я ослеп, но руки-то целые, а у тебя теперь дыра вместо пупка.

Марина изобразила мучительную смерть и продемонстрировала пустой водяной пистолет.

– Ничья?

Илья выстрелил ещё раз, в этот раз по ногам.

– Как это ничья? У тебя дырка в пузе и ноги ниже колена в лохмотья. Я выиграл.

Марина протянула ему руку, предлагая встать, но спор не прекратила.

– Чёрта лысого ты выиграл. Кислота тебе мозг разъела.

Спор остановил Дима. Подкравшись сзади, он окатил водой их двоих одновременно. Ему достался не просто пистолет, а целое ружьё с двумя баллонами. Финальную точку поставила Инна. На неё оружия не хватило, она охотилась с полуторалитровой бутылкой, в крышке которой Илья гвоздём проковырял три отверстия. Обрызгав всех троих, Инна отбросила бутылку и запрыгнула на Илью, как маргышка. Он легко подхватил её и широко улыбнулся. Почему-то именно его Инна избрала в качестве друга, льнула к нему, беззастенчиво и доверительно заглядывала в глаза, всегда занимала место рядом и ловила каждое слово.

На веранду вышла Татьяна.

– Девочки, сейчас картошку будем копать.

Марина протяжно завывала. Её стенания подхватила Алсу.

– Мама, может потом? Ребята послезавтра уезжают, потом и выкопаем.

Илья с Димой переглянулись.

– А мы поможем.

Из «скворечника» вышел Вячеслав Аркадьевич. Конец разговора он услышал и поддержал сыновей.

– А что? И поможем. Труд облагораживает человека. А вы нам за это с собой картошки дадите в Москву. У нас такую не продают.

Неожиданно идею подхватила Раиса Константиновна.

– Хорошая мысль.

Татьяна кивнула и отправилась в гараж.

Счастливчик выкатил мотоблок, поколдовал над ним, заправил и подкатил к краю рядов с повядшей картофельной ботвой.

Вслед за тарахтящим и сильно воняющим соляжкой мотоблоком земля раскрывалась подобно ране, в рыхлой почве проглядывали голенькие клубни: розоватые, гладкие, даже в сыром виде аппетитные. Пока Счастливчик выворачивал картошку на поверхность, Татьяна принесла жестяные ведёрки и вручила детям.

– Собираем клад. Это жутко интересно.

Поначалу действительно было весело, дети соревновались, кто больше найдёт алмазов-картофелин. Но довольно быстро они устали. Первой сдалась Инна. Перевернув ведро, она уселась на его дно и свесила грязные ладошки между колен.

Раиса Константиновна в сборе урожая не участвовала, стояла на ступеньках веранды с раскрытой на весу книгой. Читать не читала, но и не откладывала далеко. Вроде и не бездельничает: руки заняты. Она подбадривала сыновей и мужа, суля им всевозможные блюда из картошки, что приготовит в Москве, и поглядывала на свой маникюр. Он бы точно не пережил ковыряния в земле.

Марина и Алсу, несмотря на усталость, работали слаженно, августовский ритуал добычания картошки был для них делом привычным. Илья не хотел отставать и опозориться, ведь девчонка младше него работала и не жаловалась. К вечеру отнятую у огорода картошку сложили во дворе в большую кучу и решили отпраздновать это событие шашлыками.

Татьяна замариновала мясо и отправила детей на огород.

– Алсу, принеси помидоры и зелень, Марина, достань вишнёвые веточки.

Алсу послушно, но без желания поплелась в обход дома, а Марина перебралась с лозы на дерево и уже оттуда скомандовала Илье:

– Дай секатор, у гаража на стене висит.

Илья уже не путался в сельхозинвентаре, хотя в первые дни всё, что связано с огородом, было для него дикостью, тем, что могла оставить после себя незнакомая вымершая цивилизация. Дачи у родителей никогда не было, он вырос в квартире и, если в разговоре мелькали названия этих предметов, не задумывался, потому что в реальности никогда их не видел. Да что там инвентарь! Он поначалу ботву картошки от амброзии не отличал, а от зонтиков укропа

вообще пришёл в восторг, даже не представлял, что тот может вырасти таких размеров и не всегда похожим на короткие аккуратные пучки.

Марина нарезала мелкие веточки и складывала их в чашку, которую держал Илья. Его вниманием завладел мангал. Так получилось, что за этот месяц Счастливчик ни разу не готовил на открытом огне, и его великолепные шампуры никто не видел. Сам мангал тоже был непрост, но так как стоял во дворе с самого начала, уже успел примелькаться. Снаружи он имитировал корабль: вдоль боковых стенок металлические пруты изображали волны, поддерживающие судно на плаву, легко угадывалась корма и носовой релинг.

Илья восхищённо ахнул.

– Какая красота!

Счастливчик веско кивнул.

– Ручная работа.

– Ручная? – недоверчиво переспросил Илья, приближаясь к вееру шампуров в руках мужчины. – Человек сделал?

– А кто ж ещё, местный кузнец.

Илья замер, рассматривая витиеватые ручки, выкованные в виде плетёной верёвки.

– Красиво.

Марина прыгнула с дерева нарочно шумно. Восхищение Ильи работой кузнеца ей не понравилось, будто это похитило часть его любви к морю, которую он ярко продемонстрировал в первые дни. Делить его страсть с чем-то еще, кроме водной стихии, она не желала.

В этот раз впервые ужинали вместе, двумя семьями, за длинным столом во дворе. Шашлык удался на славу: в меру сочный, в меру румяный. Даже Раиса Константиновна, обычно скупая на похвалу, отметила, что такого вкусного, пожалуй, и не пробовала.

Счастливчик развёл руками, великодушно позволяя восхищаться его кулинарными умениями.

– Это вы ещё рыбу на углях не пробовали, – на мгновение он задумался и воскликнул: – О, Славик, махнём на рыбалку на утренний клёв?

Вячеслав Аркадьевич не мог упустить такую возможность. Естественно махнул. Рано утром, едва небо посветлело, двое мужчин закинули в машину заранее подготовленные сумки, удочки и сонных детей. Илья и Марина напросились на рыбалку, но проснуться толком не смогли. Никак не ожидали, что после уборки картошки так устанут, что сон не захочет их отпускать. А ведь вчера, когда они настойчиво упрашивали взять их с собой, энергия так и была ключом.

Оставшиеся члены семьи Ибер хорошенько выспались, плотно позавтракали и только потом выбрались к морю. Раиса Константиновна соскучилась по Москве и родному дому, обилие солнца начинало утомлять, хотелось вернуться к работе и привычному образу жизни.

Расположившись на лежаке, она поправила шляпу и раскрыла книгу. К своему удивлению, за отпуск она не прочитала и половины запланированного, её всё время что-то отвлекало. Вот и сейчас, едва осилив первую страницу, подняла взгляд и принялась бездумно рассматривать отдыхающих на пляже. На глаза то и дело попадалась Татьяна. Она бродила вдоль берега с корзинкой и предлагала расписанную ею же гальку и браслеты из ракушек. Ветер ласкался к ней, придавливал свободный подол сарафана к ногам, бесстыже вырисовывая стройную фигуру. Скромное платье тут же принимало оттенок фривольности и какой-то откровенности на грани приличия. Татьяна умудрялась выглядеть привлекательно и при этом совершенно не оголяться.

Раиса Константиновна нахмурилась: взгляды мужчин постоянно оборачивались в сторону жены Счастливчика, но, казалось, внимание посторонних её волнует не больше, чем крики чаек. Со всеми она была одинаково вежливой, даже какой-то загадочной. Говорила тихо, рассуждала на странные темы. Уже не было секретом, откуда растут странные фантазии

Марины. Запоминать придуманных ими существ не имело смысла, их набрался уже целый пантеон. Буквально позавчера она поймала себя на том, что ищет глазами крышевого смотрителя, а ещё чуть-чуть, и будет с морем здороваться, как Юдины.

Часто в речи Татьяны встречались сорные слова, изъяснялась она не совсем правильно, но, как говорила бабушка-француженка, «производила впечатление утончённой натуры с аристократизмом в крови». Раиса Константиновна поначалу злилась и даже ревновала к Татьяне мужа и всех, кто неосторожно бросал на неё восхищённые взгляды. За правильность речи и принадлежность к интеллигенции с дворянскими корнями она воевала каждый день. Нельзя было расслабляться ни на минуту. Движения, причёска, манера одеваться и говорить – всё должно было соответствовать, иначе образ рассыплется, как песочный замок, похожий на тот, что мастерил на берегу Дима в компании девочек Юдиных. А у Татьяны это выглядело естественно, словно и не требовало усилий.

Татьяна как раз стояла напротив неё, улыбаясь, что-то говорила дочерям, видимо, давала советы по декорированию песочного строения ракушками, а поймав взгляд Раисы Константиновны, направилась в её сторону.

– Девочки у вас красивые, – немного покровительственно произнесла Раиса, предлагая сесть на соседний лежак.

Татьяна на секунду заколебалась, но села, вытянув длинные ноги.

– Да, очень, – легко и нескромно согласилась она.

– Алсу, кажется, уже одиннадцать? Большая девочка. Уже решили, чем они займутся в будущем?

Татьяна обернулась к собеседнице с выражением искреннего изумления на лице.

– Сами решат, когда подрастут. Может, в Штормовом и останутся.

Раиса убрала книгу в сторону, вспомнила об осанке и выпрямилась.

– Ну а вы ничего не планируете? Они же в таком возрасте, когда одни игры на уме. Наша задача, как родителей, подсказать, научить.

Татьяна легко пожала плечами.

– Чему я их научу? У меня за плечами восемь классов. Главное, чтобы были счастливыми.

Раиса Константиновна не могла придумать ответ несколько минут, перебирала в голове фразы, боясь показаться невежливой. Такая позиция её шокировала. Будущее своих сыновей она видела вполне конкретно: оба пойдут по стопам родителей и станут врачами. Для этого требовалось хорошее образование и деньги. Это зависело именно от родителей. Илья и Дима обучались в одной из лучших школ, посещали репетиторов, она, в свою очередь, поддерживала нужные знакомства. Естественно, для сыновей она хотела и счастья, но какое может быть счастье с пустым желудком в съёмной квартире?

– В какой институт будут поступать?

– Марина и Инна через несколько дней идут в первый класс, Алсу только в четвёртый. Институт? – закончила Татьяна еле слышно, будто действительно впервые подумала о том, что будет после школы.

Раиса Константиновна перевела взгляд на двух девочек, разительно не похожих друг на дружку. Красивая, стройная Алсу уже сейчас понимала цену своей красоте и училась ею пользоваться, как оружием. Осторожная и доверчивая Инна пробуждала симпатию и желание приголубить. Ей стало жалко девочек, о будущем которых никто не заботился. Юдины жили одним днём, всё у них было легко и с музыкой, но не может же вся жизнь состоять из праздников?

Рыбаки вернулись после обеда. Уставшие, но жутко довольные собой. Больше всех ликовал Илья. На удочку, что одолжила ему Марина, он поймал здорового карпа. Сам вытянул из воды и сам снял с крючка. Марина гордо демонстрировала его улов, будто в этом была её личная заслуга.

Вячеслав веско хлопнул сына по спине.

– Молодец! А поначалу боялся червя на крючок надеть.

Илья тут же вспыхнул.

– Не боялся, противно было.

Марина поймала взгляд приятеля.

– А мне раньше жалко было, а не противно. До слёз прям.

Илья хмыкнул.

– Червя, что ли, жалко? – намерено безразлично спросил он, хотя сам едва не пустил слезу, когда насаживал крохотное скользкое тельце на острие крючка.

Рыбу запекли на углях, в этот раз решили открыть шампанское. Повод был веский: утром гостям предстояло отправиться прямо в аэропорт, их отдых подходил к концу. Всё, что можно уложить в чемоданы, было собрано ещё днём, сувениры куплены, фото с обезьяной, попугаем и на «Афалине» в фуражке капитана сделаны. За этот месяц Диму и Илью удалось немного откормить и напичкать витаминами на весь предстоящий год.

Когда блюдо с рыбой опустело, небо выплонуло первые звёзды, под стол перекочевала пустая бутылка из-под шампанского. Счастливчик взял гитару и изобразил приглашающий жест:

– Самое время петь песни и танцевать у светящегося моря.

Раиса Константиновна с тревогой взглянула на часы.

– Детям пора купаться и спать.

– Вы такого не видели, уж поверьте, не пожалеете.

Весь отпуск постояльцы укладывались спать не позже одиннадцати, чтоб не сильно сбивать режим перед школой. Светящегося августовского моря ни разу не видели, хотя слышали о нём регулярно от самих Юдиных или от других отдыхающих.

Вячеслав Аркадьевич посмотрел на жену с мольбой.

– Рая, давай сходим? Ненадолго, пацанам точно понравится.

– Ну ладно, – неожиданно согласилась Раиса Константиновна.

Долго не собирались, взяли покрывала, ещё одну бутылку шампанского и бокалы.

Счастливчик остановился у ворот и скорчил строгую мину:

– В море не лезть. Шампанское – коварная штука.

На пляж шли медленно, света звёзд не хватало, чтоб рассеять сгустившуюся ночь. То и дело кто-то спотыкался и ойкал.

Едва дюны расступились, вдалеке забрезжило диковинное сияние. С каждым шагом оно становилось ярче и разбивалось на отдельные точки, словно изнанку моря выстлали светодиодами.

Илья приблизился к воде вплотную. Море дышало размеренно и тяжело, словно затаившийся хищный зверь: опасный, непредсказуемый. Горизонт совершенно терялся в темноте, и это пугало до коллик в животе.

Волна тут же лизнула ноги, оставляя на коже светящуюся пыльцу.

– Ночесветка, – Марина подошла абсолютно бесшумно и встала рядом. – Это водоросли такие. Из-за них море светится. Вообще-то, называется ноктилюка.

Илья весело хмыкнул.

– Не потому что звёзды упали в море и остались там жить?

От Марины он ожидал сказочного описания причины этого красивого явления.

Но в этот раз она не видела нужды придумывать волшебство: сама по себе ночесветка была чарующей, и маскировать её под сказку не было необходимости.

Темноту пронзил перебор гитарных струн. Несколько минут Счастливчик настраивал инструмент, что-то тихо подвывал, наконец, прокашлялся и начал петь. Особенно не старался, просто настроение и момент требовали живой музыки. В этот раз он выбрал песню Высоцкого.

*Нам кажется, мы слышим чей-то зов —
Таинственные чёткие сигналы...
Не жажда славы, гонок и призов
Бросает нас на гребни и на скалы.
Изведать то, чего не ведал сроду, —
Глазами, ртом и кожей пить простор!..
Кто в океане видит только воду —
Тот на земле не замечает гор.
Пой, ураган, нам злые песни в уши,
Под череп проникай и в мысли лезь,
Лей звездный дождь, вселяя в наши души
Землёй и морем вечную болезнь!¹³*

Раиса Константиновна недовольно сдвинула брови: песня казалась слишком взрослой, не подходящей для детских ушей. Как оказалось, зря волновалась: ребята в слова не вслушивались, замороженно ловили ноктилюку в прибое, наслаждаясь последним вечером накануне отъезда.

Счастливец играл недолго, гитару перехватил Вячеслав Аркадьевич, оказалось, он тоже когда-то учился музицированию на этом инструменте. Играл кое-как, постоянно сбивался и заменял слова на постукивание по деке. Счастливец вслушался в ритм и подхватил Татьяну. Она легко закружилась, ведомая его рукой. Не переставая танцевать, они двинулись к морю. Ноги коснулись светящейся воды, слегка завязли в песке.

Обычно их пара выглядела нелепой. Счастливец едва доставал до плеча жены, но сейчас, в танце, они оба казались необычайно привлекательными и словно созданными друг для друга. Танцевали самозабвенно и грациозно, даже Раиса Константиновна замороженно наблюдала за ними, постукивая ногой в ритм мелодии.

Марина следила за танцем родителей издали, заражаясь их счастьем. Илья растерялся, почему-то за Юдиных ему было неловко. Слишком уж явно они демонстрировали чувства, в их семье так было не принято. Он ни разу не видел, как его родители целуются или обнимаются, и думать об этом не хотелось совершенно. Как-то это было чересчур, не по-взрослому. Он вообще сомневался, что семейные люди милуются, и это не аномалия.

Марина наклонилась к морю, окунула ладонь, разгоняя ночесветку. Ракушечные бусы с лёгким перестукиванием повисли над водой.

Илья приблизился к Марине, замороженный чудным зрелищем. Она сама светила и, как никогда, напоминала часть стихии, пряди волос утонули в воде, будто она перетекала в море.

– Анасейма, – невольно вырвалось у него.

Марина резко дёрнулась, ненамеренно ударив Илью по губе большой ракушкой рапана.

– Обзываешься, что ли?

Илья выпрямился и схватился за лицо. Во рту явно чувствовался вкус крови. Он провёл языком по краю верхней челюсти: один из зубов отчётливо шатался, повиснув на десне.

Марина увидела, что Илья держится за губу и растерялась.

– Я не хотела тебя ударить, случайно получилось. Это всё рапана дурацкая. Разбила?

Илья качнул головой, в этот момент его больше тревожило, что он может расплакаться и будет выглядеть слабаком.

– Зуб, кажется, выбила.

Марина приблизилась и сунула рапану в свободную руку Ильи.

---

¹³ Отрывок из песни В. Высоцкого «Шторм».

– Дай посмотрю, – дождавшись, когда он уберёт ладонь, коснулась пальцем опухшего края губы, увидела повисший под неестественным углом зуб и печально заключила: – Блин, твоя мама меня убьёт.

Илья освободился от руки Марины, но рапану не вернул.

– Он ещё держится, может, не выпадет.

– Как ты меня назвал?

Илья сомневался, стоит ли повторять, но, немного поколебавшись, решился:

– Анасейма. Это не обзывание. Просто подумал, что ты на неё похожа.

– Это что-то морское?

– Очень морское.

– Ладно, раз уж ты зубом расплатился, можешь так меня называть.

Зуб выпал уже в Москве. На счастье, оказался молочным, правда, замена для него ещё не прорезалась, и пришлось Илье ходить какое-то время с некрасивой щелью в верхней челюсти. Раиса Константиновна испытывала профессиональные мучения, будучи не в силах поторопить коренной зуб, не могла смотреть на незапланированную дырку во рту сына без слёз. Она гордилась идеальным прикусом и очаровательной улыбкой Ильи, а тут такое...

Маме он сказал, что сам случайно выбил зуб рапаной, после этого Раиса Константиновна возненавидела этих моллюсков почти так же, как Марина. Вот и появилось у них кое-что общее.

3 глава. Серебряные желуди

Наши дни

Инна смотрела на Марину как на неудачницу и даже не скрывала этого. А ещё сестра её раздражала. Нога в босоножке на тонком каблучке беспрестанно качалась, острые ногти выбивали дробь на столешнице.

Марина уже в третий раз попыталась зажечь конфорку, чтоб вскипятить воду для чая, но, кроме шипения и снопа искр, от плиты ничего не добилаь.

Инна пригладила прядь на виске.

– Эта не работает. Попробуй левую дальнюю.

Марина бросила на сестру очередной короткий взгляд.

– Почему не починили?

– Двух вполне достаточно, на этой печке давно уже не готовят в промышленных масштабах.

Марина и Инна одновременно замолчали, вспомнив ароматные хрустящие пирожки мамы.

Тишину разорвала трель звонка. Инна глянула на экран мобилньника и нахмурилась. За полчаса, что она провела наедине с сестрой, ей звонили уже пять раз. Нехотя приложила трубку к уху и недовольно поинтересовалась:

– Если это опять по поводу свежести мидий, я тебя уволю! Как ты думаешь, для чего я наняла управляющего?

Телефон что-то жалобно пропищал. Инна шумно выдохнула:

– В таком случае мне нужен новый.

Не дав возможности собеседнику оправдаться, нажала отбой.

Марина наблюдала за сестрой, не пытаясь скрыть изумления. Как мало она походила на ту тихую девочку со светлыми кудряшками. Сколько уверенности и жёсткости было в этой незнакомой женщине с короткой модельной стрижкой.

Новой Инне не нужна была защита и поддержка, только уважение и страх в глазах подчинённых. Марина задумалась: интересно, как она разговаривает со своей дочкой? Поёт ли ей колыбельные, наказывает ли ремнём за проступки? Она ведь ничего не знает о родных сёстрах: ни о младшей, ни о старшей. У трёх русалочек теперь другая, взрослая жизнь, у каждой своя.

***

– Юдина, ещё одно замечание, и мне придётся побеседовать с твоими родителями. Убери ракушки сейчас же.

Марина сгребла с парты мелкие венерки прямо в раскрытый портфель и смерила учительницу пристальным колючим взглядом.

Как она и ожидала, школа ей совершенно не понравилась. Учительница запретила носить бусы, пришлось оставить только тесемку с куриным богом. Шляпу классная едва не сдирала с макушки, но Марина упорно надевала её, пока осень не заставила перейти на более тёплый головной убор. На замену плетёной шляпе вернулся браслет из митилястров¹⁴. Только связь с морем могла спасти Марину от скуки. А скучно было до жути.

---

¹⁴ Митилястры – ракушки вытянутой формы с горизонтальными и вертикальными бороздами, небольшого размера.

В первые дни Инна не отлипала от сестры, следовала за ней по пятам трясущейся тенью. Сели они, естественно, вместе. Вероника Павловна пыталась их разбить по принципу мальчик-девочка, но, кроме Ильи, все мальчики сказывались на двигательных способностях Инны: рядом с ними она почему-то цепенела и теряла дар речи.

Марина молча переносила свой рюкзак за парту к сестре, учительница рассаживала их. На следующий день повторялось то же самое. На воспитательные беседы Марина не реагировала совершенно, и вскоре Вероника Павловна, даже при всей ее невнимательности, это заметила. Средняя дочка Юдиных выслушивала её претензии с поразительным недетским спокойствием, будто и не воспринимала, молча покидала место трёпки, а наутро снова сидела рядом с сестрой.

Инна же, наоборот, не доставляла хлопот. Училась прилежно, ракушками не играла, только впадала в ступор, стоило повыситься на неё голос. Через месяц Вероника Павловна сдалась: позволила сёстрам сидеть вместе. Правда, пришлось представить всё так, будто это её великодушное решение, а не потакание упёртой Марине.

Класс Алсу располагался через коридор, но с сёстрами она практически не общалась, на перемене убегала сплетничать с подружками в «бермудский треугольник». Звучное название получили три лавочки во дворе. Туда допускались не все, только самые популярные и красивые. В компании «популярных и красивых» Алсу оказалась в этом году, принадлежность к сливкам общества начальной школы ей очень льстила, и поэтому нянчиться с двумя первоклашками не было ни желания, ни времени. Она упорно делала вид, что с младшими сёстрами не знакома и общая фамилия – это случайное совпадение.

К концу осени Марина кое-как смирилась с необходимостью просиживать часы в классе. Природная сообразительность выручала её, но вот рассеянность и торопливость сказывались на учёбе не лучшим образом. К удивлению всей семьи, Инна полюбила школу. Чёткие правила и режим её вполне устраивали. Наконец в её жизни появилась определённая и предсказуемость, которой не хватало в семье. Она чаще стала тянуть руку, пока ещё боязливо и неуверенно, но отвечая. Получив звёздочку, расцветала и, ободрённая скупой похвалой учительницы, с удвоенным рвением готовилась к урокам. У Марины звёздочек почти не было. Её тетрадь пестрела замечаниями.

Вероника Павловна была нервной женщиной с нестабильным лицом. Мимику она не контролировала. Один глаз часто дёргался, улыбка в одно мгновение превращалась в оскал, когда повышала голос, она страшно выкатывала крупные карие глаза и порой плевалась слюной. Нечаянно, конечно, от избытка эмоций. Судьба подсунула ей мужа-алкоголика и неблагодарных детей-бездельников, окончательно вытрепавших её и без того некрепкие нервы.

Марину она ненавидела интуитивно, на уровне инстинкта. Слишком та была независима и самостоятельна. Эти черты напрочь отсутствовали в самой Веронике Павловне, всю жизнь подчиняющейся то родителям, то свекрови. Изжить в себе болезненную зависимость от мнения окружающих она так и не смогла, ненавистную родственницу похоронила больше десяти лет назад, но не освободилась. Теперь исполняла роль прислуги для собственных избалованных детей.

В учениках она видела уменьшенные копии сыновей-спиногрызов, жаждала привить им уважение к старшим и заставить трепетать. Вероника Павловна всегда обращалась к подопечным только по фамилии, намеренно выставляя дистанцию, ругала с большим удовольствием и фантазией, а хвалила редко.

До декабря Марина прилежно посещала школу и секцию гимнастики, но потом неожиданно взбрыкнула и стала пропускать уроки. Чаще всего уходила с последних, один-два раза в неделю. Никого не предупреждала, просто хватала портфель и на перемене исчезала в неизвестном направлении. Инна стыдливо придумывала причины её ухода для учительницы и возвращалась домой в компании Алсу.

Целый месяц о её прогулах никто не знал. Татьяна думала, что Марина в школе, а оттуда идёт напрямиком на гимнастику. Всё вскрылось на родительском собрании. Татьяна услышала о регулярных отлучках дочери, не выказывая удивления.

Вероника Павловна ждала оправданий и клятвенных заверений, что этого больше не повторится. А не дождавшись, разозлилась.

– Я буду вынуждена обратиться к директору. Если ваша дочь и дальше будет уходить с уроков, когда ей вздумается, я приму меры. Что это за самодеятельность?!

– Марине иногда необходимо побыть у моря. Без этого она не может.

Татьяна не знала причины, побудившей дочку прогуливать, просто догадалась, где та проводит освободившиеся часы.

Только вот Веронике Павловне это не показалось веским основанием.

– Ваша дочь попадёт в отстающие.

– Она плохо успевает?

По правде говоря, Татьяну мало волновали оценки дочек, она даже дневник Алсу никогда не проверяла. В конце дня никогда не спрашивала, что и по каким предметам они получили и что изучали. Её интересовало другое: какой домашний питомец у подруги Алсу, над чем сегодня смеялась Марина, почему Инна так любит столовский компот, может, туда добавляют зелье?

Вероника Павловна задумалась: проблем с учёбой у Марины, к сожалению, не было. Она не выбивалась в лидеры, но и схватывала довольно быстро. Правда, в тетрадях развела настоящую грязь. Это была вторая причина, по которой учительница решила побеседовать с родителями Юдиной.

Раскрыв тетрадь по математике, она ткнула пальцем в поля.

– Полюбуйтесь.

Везде, где оставалось свободное место, Марина нарисовала дельфинов. Татьяна невольно улыбнулась.

– Красиво. – И тут же спохватилась: – Я скажу, чтоб рисовала в блокноте.

С того дня Марина стала пропускать ещё чаще, и её прогулы приобрели раздражающую стабильность.

Вероника Павловна обратилась к директору, он терпеливо её выслушал, согласился по всем пунктам обвинений в адрес средней Юдиной и вызвал родителей теперь уже в свой кабинет. Каждый раз приходила Татьяна. Но после её визитов ничего не менялась.

Марина не пропускала только уроки физкультуры. На них Инне требовалась защита. Неуклюжая и пугливая, она постоянно подвергалась насмешкам одноклассников, а Марина оберегала и не давала её в обиду. Иногда просто переключала внимание на себя, нарочно делая какую-нибудь глупость. Когда играли в «Совы и воробьи», прикрывала Инну, чтоб её не затоптали, если бросали мяч – устраивала клоунату со скользкими кривыми руками, чтоб смеялись над ней, а не над сестрой. Марину насмешки не трогали, большинство одноклассников она просто игнорировала, будто их не существовало в её вселенной. Там и так было мало места, и допускать туда посторонних она не планировала, всех вытесняло море.

В Штормовом осталась только одна школа. Небольшая, старой постройки, с узкими крашеными коридорами. Позволить себе роскошь выбирать учителя или класс никто не мог. Да и не было это принято.

Дети, угодившие в класс к Веронике Павловне, выпускались в среднюю школу закалённые и готовые почти к любому катаклизму, правда, некоторые успевали заработать невроз и постыдно страдали от энуреза на нервной почве. Такая вот начальная школа жизни, в которой выживал тот, кто научился хитрить или лебезить, сидеть тише травы и дышать беззвучно, а некоторые развили в себе и умение отключать слух.

В течение года Марина не раз встречала маму в коридорах школы. Догадывалась, что визиты эти неспроста, опять её отлучки стали причиной вызова родителей, но никаким наказанием для неё они не оборачивались. Вера Павловна изливала желчное недовольство на директора, тот требовал Татьяну для головной уборки, но на этом цепочка обрывалась. Счастливчик даже не знал, что Марина сама себе урезает уроки.

Вне курортного сезона, когда он распаковывал самогонный аппарат, лучше было не попадаться ему для воспитательных бесед. Он мог применить и ремень, правда, после порки жутко раскаивался и покупал подарки. Татьяна знала о нетрезвой манере воспитания мужа, а потому фильтровала информацию о проступках дочерей, предпочитая улаживать проблемы самостоятельно.

Марина и хотела бы не пропускать, но усидеть не могла. Как только чувствовала, что задыхается, начинала планировать очередной побег. Почти всегда шла к пирсу, устраивалась на самом краю и разговаривала с морем.

В одну из таких вылазок в середине декабря она поскользнулась на обледеневших досках и неудачно упала на руку. Острая боль пронзила локоть и сковала кисть неподвижностью. Марина дотащила портфель до домика спасателей, оставила его прямо на открытой веранде в углу и пошла на остановку.

В автобусе рука разболелась сильнее, теперь она ещё и пульсировала, распирая рукав куртки, будто дрожжевое тесто. Слезы скопились в уголках глаз, но не пролились. До дверей больницы Марина добралась молча, стиснув зубы. А вот врач, осматривавший её, расшумелся не на шутку. Перелом, тем более закрытый, его не удивил, видел он и пострашнее, а вот неуместная самостоятельность девочки вызвала бурю эмоций.

Марина выслушала неистовые словоизлияния доктора, не менее эмоциональные реплики медсестры и спросила:

– Когда я смогу плавать?

Пришлось вызвать родителей. За дочкой явился Счастливчик. Переговорив с хирургом, подписал всё, что нужно, даже солидарно повозмутился, что дети пошли нынче безрассудные. Из больницы Марина вышла хмурая, недовольная и с гипсом. По дороге домой Счастливчик заехал в магазин и купил торт.

Татьяна уже знала о переломе и ждала их у ворот, растрёпанная и растерянная. Увидев хмурую, но вполне невредимую дочку, кинулась обнимать.

– Русалочка моя, как ты?

Марина пожала плечами.

– Доктор сказал, что гипс снимут через пять недель, летом я смогу плавать.

Счастливчик и Татьяна переглянулись.

– Болит?

– Уже не так сильно. – И, чуть замешкавшись, добавила: – Я портфель на берегу оставила.

За портфелем отправили Алсу. Она пошла только после того, как все клятвенно заверили, что без неё не будут резать торт. После чаепития Татьяна попросила Марину ближайšie два месяца не бродить у пирса, если надумает сбежать, возвращаться домой. С мансарды «скворечника» тоже видно море.

На следующий день после того, как сняли гипс, Марина всё-таки получила «ремня». Счастливчик как раз продегустировал очередную порцию ядрёной настойки, внезапно вспомнил о поступке дочери и решил, что она заслужила хорошую взбучку. Марина стойко выдержала порку, ни разу не пикнула и не прогнала с лица улыбку. Счастливчик и не сильно старался, после первого же хлёсткого удара, понял, что гнев схлынул, копить его месяцами он не умел, да и раскаяния на лице дочки не заметил.

Марина хорошо усвоила урок: в сезон использования ореховых перегородок папу лучше не злить.

В то лето, когда Марине исполнилось девять лет, Илья не приехал. Раиса Константиновна отвоявала отпуск в Египте. Вячеслав Аркадьевич только тяжело вздохнул, по условиям их договора пришла очередь покорять за границу.

О том, что семья Ибер не приедет, Марина узнала только в июле и расстроилась. Почему-то она была твёрдо уверена, что теперь они каждый год будут заселяться в «скворечник» и вольтуются в ряды постоянных гостей. Почти месяц у них прожили две подруги. В первый же день с рук этих дам исчезли обручальные кольца, а вместе с ними и благопристойность. Гости одевались ярко и очень уж откровенно. До конца отпуска не вспоминали о существовании бюстгальтеров, носили лёгкие трикотажные платья, едва прикрывающие тело.

Они впервые отдыхали в Штормовом и приехали без определенных планов, подыскивая съёмное жильё. Привёл их в посёлок слух о том, что недалеко, прямо за территорией заповедника, есть нудистский пляж. Только вот небольшой клочок песка перед морем, где оголялась группа людей, на полноценный пляж не тянул.

На июнь «скворечник» Юдиных оказался незабронированным, семья, что ожидалась на этот период лета, внезапно отказалась от поездки из-за непредвиденных проблем со здоровьем. Задаток остался Юдиным как компенсация. По поводу потерянных курортников Счастливчик не переживал, охотников снять жильё всегда было предостаточно, только в этот раз приходилось брать кота в мешке. Двух подруг он переманил у соседа – из вредности. По правде говоря, бесстыжих курортниц Счастливчик увёл у него прямо из-под носа. Фёдор рвал и метал, заглядывал за забор с затаённой обидой. Сразу две женщины, настроенные на летний роман, да ещё, как оказалось, не отягощенные моралью, очутились на территории противника.

Вскоре Счастливчик пожалел, что приютил эту парочку. Большую часть времени они развлекались в Анапе или на пляже, но пару раз пришлось выгонять совсем обнаглевших ухажёров, бродивших по двору в чём мать родила. Когда гости наконец-то съехали, Юдины вздохнули с облегчением, но отношения с Фёдором стались натянутыми.

Через пару дней в домик заселился Дуги – нелюдимый лохматый тип. Сухощавый, сутулый, с высушенной кожей, будто он всю жизнь провёл под палящим солнцем. Дуги приезжал каждое лето меньше чем на неделю, с тощей сумкой и зачехлённой гитарой. С компанией не навязывался, большую часть времени сидел на берегу или за домом, под раскидистой черешней. Марина привыкла к его ежегодным появлениям, как к незыблемой традиции. Видимо, он начал навещать так давно, что родители перестали обращать на него внимание и приглашать к столу. Он явно обозначил дистанцию и ни с кем не общался. Дуги был единственным постояльцем, который настойчиво сохранял одиночество, окружая себя стеной молчания.

Марина не трогала молчуна, подозревая, что он немой, пока однажды тот сам с ней не заговорил. Это произошло на пирсе три года назад. Он смотрел на море, закрыв глаза, словно вдыхал его. Ветер трепал его распущенные волосы, перебирая неаккуратные косички в бороде. Среди пегой растительности мелькали цветные нитки, стягивающие косы.

– Море живёт в тебе.

Марина огляделась, не сразу сообразив, кто с ней заговорил.

– Что?

– Морская...

Марина давно знала, что означает её имя, и только пожала плечами.

– А тебя как зовут?

– Дуги.

– Странное имя. Что это значит?

– Тёмный поток.

На этом их первая беседа и закончилась.

С тех пор молчаливый постоялец, ни капли не похожий на обычного отдыхающего, разговаривал не только с бродячими собаками, но и с ней.

В это лето он, как обычно, разгуливал в одиночестве, что-то нашептывал в густую бороду, укрепляя репутацию сумасшедшего. Первый день провёл на пирсе, на второй взял гитару и, расположившись в тени черешни, принялся наигрывать печальную мелодию. Увидев Марину, прошептал, словно ни к кому не обращаясь, будто пропел начало песни.

– Анасейма.

Она вздрогнула. Так её называл только Илья и то всего один вечер, накануне отъезда в Москву.

Встретившись глазами с Дуги, Марина указала на себя пальцем, словно вопрошая: «Эты мне?»

Мужчина кивнул и указал движением головы на примятую траву рядом с собой.

Марина приблизилась к нему и опустилась на колени напротив.

– Какая у тебя гитара...

– Красивая?

– Старая.

Дуги ласково погладил инструмент.

– Она и есть старая. Хочешь, научу играть?

Марина тронула струну и сморщилась, когда та отозвалась тонким звоном.

– Папа сказал, что я нетерпеливая, и у меня слишком маленькие пальцы.

– Это с возрастом проходит. Научить?

Марина недоверчиво сощурилась.

– А давай.

Всю неделю, что Дуги прожил в «скворечнике», они виделись каждый день. Правда, одолеть гитару Марина так и не смогла, но охотно слушала, как на ней играет сам нелюдимый постоялец. Голос у него оказался необычный, хриплый, с раскатистым рыком, напоминающим рёв моря во время шторма. Песни он пел странные: об утопленниках, хищных русалках, затонувших галеонах, наполненных пиратским золотом, морских духах, заманивающих людей в пучину. Татьяна тоже любила сказочные сюжеты в песнях, но никогда они не были такими мрачными, как у Дуги.

Марина больше не вздрагивала, когда он называл её Анасеймой, теперь он обращался к ней только так и каждый раз хитро прищурился. Как-то сразу она перешла с ним в беседе на «ты», и это не смущало Дуги, а Марина по-другому и не могла. Он был словно вне возраста и общественных норм.

Если Марина видела его на пирсе, то всегда подходила, садилась рядом и смотрела на море, не нарушая задумчивость беседой. Дуги сидел неподвижно, прикрыв веки и слегка улыбаясь. Если вскрикивала чайка, немного поворачивал голову, едва заметно реагировал и на гудок катера или возглас спасателя с вышки. По его поведению Марина научилась вычислять приближение дельфинов. Дуги оставался неподвижным, но в углах губ появлялась рассеянная улыбка, потом он приоткрывал необычные лазурные глаза и всматривался вдаль. Марина обожала дельфинов, а вот отдыхающие иногда принимали их за акул, истошно вопили и улепётывали на берег.

Иногда Марина первая орала: «Акулы!» – и любовалась поднимающейся паникой, громко хохоча.

Дуги редко вступал в беседу, а если и заговаривал, то обычно произносил что-то понятное только ему самому. Зато с морем он общался, как с живым существом. Понаблюдав за одной из таких бесед, Марина окончательно прониклась к Дуги симпатией. С морем она тоже общалась, ласково и откровенно, доверяя свои мысли и тайны.

После перелома рука успела восстановиться, и Марина снова плавала, беспечно отдаляясь от берега. Сделав большой крюк, она выбралась на песок, мышцы ныли от усталости, глаза покраснели.

Татьяна дождалась её и насмешливо поинтересовалась:

– Может, позовёшь Дуги на ужин?

Марина стянула тяжёлые волосы жгутом и выжала воду.

– Он всё равно не пойдёт. Но оставь ему пару пирожков под салфеткой.

Татьяна взяла пустую корзину и подозвала Инну.

– Завтра уезжают дети из «Восхода», нужно успеть продырявить куриных богов.

«Восходом» называлась небольшая база отдыха, ещё советской постройки. Большинство домиков развалились под гнётом прожитых лет, но парочка ещё кое-как стояла. В них-то и заселялись устойчивые к отсутствию комфорта и непривередливые спортсмены. Чаще всего на базе жили приезжие легкоатлеты или волейболисты. Занятия на песке входили в их план тренировок.

Марина приостановилась.

– Мам, ну они же не действуют, раз ненастоящие? То есть мы их обманываем? Сколько бы желаний ни загадали, они не сбудутся, потому что куриные боги невсамделишные?

Татьяна отрицательно покачала головой.

– То, во что ты веришь, то и настоящее. Много существует только потому, что кто-то это придумал.

Инна нахмурилась. С каждым годом странные изречения всё больше ставили её в тупик, если раньше она просто не задумывалась над ними, теперь же дотошно допытывалась, что мама имела в виду. Если у Татьяны не находилось рационального объяснения, а чаще всего так и было, Инна отказывалась в это верить и раздражалась, как только Татьяна изрекала очередную размытую истину.

Обычно с ребятами из «Восхода» Марина не общалась, продавала им ракушки, на этом их беседы и заканчивались. Но в этот раз с группой волейболистов, приехавшей в конце августа, завязалось приятельство.

Каждое утро спортсмены совершали пробежку вдоль берега моря, разминались самостоятельно, и только потом приходил их тренер.

Марина любила утреннее море. Собрав ракушки, усаживалась на пирсе и наслаждалась ласковым солнцем.

Пару дней спортсмены приглядывались к местной девчонке в ковбойской плетёной шляпе, увешанной бусами из ракушек, а потом решили познакомиться. Марина не особенно жаждала общения, ей вполне хватало моря, но ребята оказались настойчивыми и ежедневно заводили беседу. На вид они казались старше, но разница в несколько лет их не смущала.

Если бы Марина знала, чем закончится это временное приятельство, никогда бы с ними не заговорила и не пошла бы искать вход в подземное царство песочных джиннов. Пусть бы эти джинны так и жили необнаруженными, а ей бы не пришлось целый день плавать в солёной воде в надежде отмыться от воспоминаний.

На следующий день спортсмены уехали, а Марина вычеркнула этот день из памяти. Это она умела хорошо – забывать неудобное. В будущем такое умение ей не раз пригодилось.

Начавшаяся учёба снова отняла у Марины море, но в этот раз она не сбегала с уроков целый месяц. В новом году учительница получила звучную кличку Падловна и изо всех сил её оправдывала. В очередной раз услышав, что она непроходимая тупица и в будущем ей предстоит крутить коровам хвосты, Марина не выдержала и удрала к морю. С того дня её отлучки стали регулярными. Дорога в директорский кабинет снова вошла в привычный маршрут Татьяны. Побег Марины привели к тому, что Инна начала стыдиться нерадивой сестры

и к концу года отсела за другую парту. Наконец-то у неё появилась подруга – предсказуемая и понятная девочка, никогда не слышавшая о ступеничных грызунах и ветряных феях.

Апрель выдался тёплым и ранним, первые постояльцы ожидали уже в начале мая, предстояло подготовить «скворечник» и переплюнуть Фёдора в облагораживании двора. Перебрав множество вариантов, Счастливчик надумал сделать во дворе небольшой пруд и запустить туда черепах.

– Будем варить черепаховый суп! – убеждал он семью, выкапывая неглубокую яму.

Татьяна с улыбкой наблюдала за его бурной активностью. Раз муж взялся что-то мастерить или строить, значит, настойка на ореховых перегородках подходит к концу, можно вздохнуть с облегчением.

Счастливчик ещё не зачехлил самогонный аппарат, но наведывался к нему с каждым днём всё реже. Штормовое постепенно оживало, заполняясь приезжими, жаждущими южного солнца.

Когда пруд был готов, а черепашки запущены, Счастливчик, довольный собой, устроился на качелях с бутылкой пива и подозвал дочек.

Те расселись вокруг него, готовые услышать новость.

– Помните московских постояльцев Ибер?

Алсу кивнула.

– У которых сыновья Илюха и Димка?

Счастливчик сделал большой глоток из бутылки, довольно зажмурился.

– Они говорили, что в этом году не получится приехать, что-то там с работой, не дают одновременно отпуск. На август я с другими постояльцами договорился.

Марина невесело вздохнула. Илью она ждала. Но отец ещё не всё сказал. Увидев расстроенные лица, объявил намеренно печально.

– Они приедут в июле. Пришлось отказать другой семье, чтобы втиснуть их.

Девочки радостно загалдели.

Счастливчик, довольный озвученной новостью, откинулся на мягкую спинку качелей.

– Будем ездить со Славиком на рыбалку. Он знает в этом толк, хоть и городской.

Он допил пиво и обратился к Марине.

– Поддай-ка другую, из холодильника.

Она взяла бутылку и понюхала горлышко.

– Фу, воняет ужасно.

– Гадость, – согласилась с сестрой Алсу

– Да ты чего! Воняет ей! Пахнет. Неси сюда.

Когда Марина вернулась с полной бутылкой, Счастливчик ловко откупорил её о край качелей и протянул Алсу.

– Пробуй. Гадость, говоришь. Гадость я бы пить не стал.

Алсу нехотя сделала глоток и сразу же скривилась.

– Ну? – поторопил с ответом Счастливчик. – Не нравится?

Марина взяла бутылку из рук сестры и сделала большой глоток. Задумалась, прислушиваясь к вкусовым ощущениям.

– Всё-таки гадость.

Татьяна зашла во двор как раз в момент этого коллективного распития бутылки пива. Сняла шляпу нарочно медленно и не приблизилась для обязательного поцелуя.

– Саша?

Счастливчик засмутился, разгадав за намеренной медлительностью недовольство жены.

– Да что такого? Всего по глоточку дал, попробовал. Лучше пусть в кругу семьи пьют, чем на улице и неизвестно с кем, – увидев, что Татьяна не сдвинулась, он поднялся и обошёл

её, выражая всем своим видом чувство оскорблённого достоинства. Словно его обидели ни за что ни про что. – Пойду в море охлажусь.

Татьяна нахмурилась.

– Ты же выпил?

– Это же пиво, и не алкоголь вовсе.

Через час Татьяна отправила на берег старшую дочь, забрать Счастливого. Он вернулся хмурый, трезвый и совершенно сухой. Просидел у домика спасателей, лелея свою обиду на жену. Её непривычно строгий взгляд не выходил из головы: можно подумать, он дочерей чему-то плохому учит! Просто готовит их к взрослой жизни, а пиво совсем не крепкое было. Вода водой!

В этот раз на ночь он остался без поцелуя, и попытка завести сына тоже не случилась.

Марина ждала Илью целую неделю, каждые полчаса выходила на улицу, чтобы не упустить его приезд, но, когда это случилось на самом деле, встречала его не она. Именно в этот день мама отправила её собирать на компот черешни. Марина уселась на широкой ветке, повесила ведёрко на крючок и принялась срывать сочные жёлто-красные ягоды. Больше набивала живот, в ведро попала только парочка самых непривлекательных черешен. Очистив пространство вокруг себя, она переместилась на другую ветку и потянулась за новой порцией сладких ягод.

– Анасейма, привет!

От неожиданности Марина едва не упала с ветки. Ухватившись рукой за ствол, чуть сдвинулась в сторону и опустила взгляд вниз. Сквозь узорчатую листву на неё смотрел Илья.

Позабыв о ведре, она спрыгнула на землю прямо перед ним. Без приветствий и вступлений крепко обняла, впечатываясь резными ракушками на бусах в открытую кожу на груди Ильи. Всмотрелась в его лицо и, оттянув щёки, заставила широко оскалиться.

– А зуб-то выпал, и нового нет.

– Мама до сих пор в шоке, – попытался пошутить Илья. Отсутствие зуба его самого порядком напрягало, и он устал от издёвок одноклассников.

С их встречи прошло почти два года, Илья заметно вытянулся. Несмотря на бледную кожу, он уже не выглядел таким хрупким и болезненным, но откормить его так и не удалось. Сквозь майку проступали худые плечи и ключицы. Илья рассматривал Марину не так пристально, не хотел слишком уж явно демонстрировать, как сильно по ней скучал. Она заметно изменилась: черты лица потеряли детскость, а фигура приобрела непривычную мускулистость. Занятия гимнастикой не прошли бесследно, отпечатавшись на теле чётко обозначенными мышцами.

Марина подпрыгнула, дотянулась до ветки и, склонив её над головой Ильи, скомандовала:

– А ну лопай, скелетина, а то не будет тебе уроков плавания.

Илья сорвал парочку ягод и забросил в рот. Не успел прожевать, как услышал громкий возглас:

– Ну вот опять! Она же немытая!

Марина скосила взгляд в сторону.

– Твоя мама.

– Беги, я тебя прикрою.

Она подтянулась и легко запрыгнула на ветку. Уже оттуда громко поздоровалась с Раисой Константиновной

– Добрый день!

Женщина нашла взглядом девочку и ответила сдержанно:

– Здравствуй.

Она увела сына во двор, а Марина продолжила собирать черешню. Только теперь делала это быстро и неаккуратно, забывая ведро ягодами пополам с листвой.

Первые недели общение между семьями выглядело так, будто гости приехали впервые. Раиса Константиновна держала дистанцию, всем своим видом демонстрируя, что это временное соседство и дружить им совсем не обязательно. Готовила она отдельно, во дворе не засиживалась. Гораздо чаще по сравнению с предыдущим проживанием в «скворечнике» ездила в Анапу. В течение года муж вёл себя безупречно и снова напоминал самого себя времён их знакомства, но почему-то в Штормовом в нём просыпались замашки простецкого мужика, и это сильно её раздражало. Будто он нарочно старался быть проще, чем есть, чтобы гармонизировать со Счастливым и получить его одобрение.

Дети не задумывались о взрослых проблемах, общались, словно и не было двух лет разлуки. Алсу с первого взгляда оценила повзрослевшего Диму, и внезапно дружба окрасилась новыми оттенками. Дима ни капли не походил на местных ребят. Тонкокостный, даже утончённый, с буйной шевелюрой тёмных кудрей, с бледной кожей без веснушек. Он не догадался, что внезапно стал объектом симпатии Алсу, в сфере его интересов девчонки пока ещё занимали последнее место, уступая штудированию языков и изучению муравьёв в формикарии¹⁵

В этом году Раиса Константиновна слегка ослабила поводок материнской любви и разрешила детям ходить к морю без её сопровождения. Проводить там полдня, как того жаждали сыновья, она не хотела. Счастливчик обещал присматривать за мальчишками, хотя такая опека его изумляла. Он вырос на побережье и не думал, что для этого вообще нужно разрешение.

Вечером Марина по большому секрету поведала Илье, что в заповеднике есть столетний дуб, который исполнит любое желание, если найти серебряный жёлудь. Только никому нельзя об этом говорить, иначе жёлудь достанется другим, и они упустят шанс обрести способность дышать под водой. Именно это Марина планировала загадать.

После утреннего похода на пляж Раиса Константиновна устроилась в спальне под вентилятором.

– В этом Богом забытом Штормовом нет даже кондиционера. – Южную духоту она переносила с трудом.

– Зато тут рыбалка отменная. – Вячеслав Аркадьевич лёг на широкой кровати звездой, чтоб руки и ноги не прикасались к телу.

– Это не отдых, а выживание, – в десятый раз пожаловалась ему жена, прикрывая глаза.

Дождаясь, когда взрослых скосит сон, сёстры мастерили браслеты, рассевшись за длинным деревянным столом. Солнце пробиралось сквозь виноградную листву, расцвечивая двор пятнами теней, расчерчивало лица полосками.

Илья ловил в пруду красноухих черепашек и заставлял их есть принесённые Инной листья одуванчика. Черепахи сопротивлялись насильному кормлению и норовили вернуться в безопасный водоём. Когда они скребли маленькими лапками и шипели, Инна визжала.

– Папа сказал, что суп из вас сварит!

Илья выпустил перепуганную черепашку в воду.

– Из этих не варят. Разводят специальных, – заметил он.

– Так я зря их откармливаю? – искренне расстроилась Инна.

Марина отложила в корзинку готовый браслет из триций, придвинула к себе продырявленные ракушки гребешков.

– А тебе их не жалко?

Инна на мгновенье задумалась.

– Мы же креветки едим, и мидии, почему мне черепах должно быть жалко?

– Степашу же мы не едим. Они вроде домашних питомцев.

¹⁵ Формикарий – муравьиная ферма.

Алсу не вслушивалась в спор сестёр. С приездом постояльцев у неё появилось новое увлечение: томно вздыхать, поглядывая на Диму. Как подступиться к нему и продемонстрировать симпатию, она не представляла. Мальчик казался таким чужим, абсолютно городским. А его манера разговаривать совершенно пленила: никто из ровесников Алсу не произносил таких витиеватых фраз и вряд ли знал значение хотя бы половины слов, которыми так легко разбрасывался Дима.

Когда он пускался в рассуждения о столичной жизни, она слушала, затаив дыхание. Всё, что он рассказывал, казалось диковинным, словно из другого мира, будто сюжет фэнтезийного романа. Диме льстило такое пристальное внимание, и он беззастенчиво привирал, на самом деле вставляя в истории элементы из просмотренных фильмов и прочтённых книг.

Марина забралась на беседку и заглянула в окно спальни на втором этаже «скворечника». Родители Ильи крепко спали. Она тайком кивнула ему и, спустившись на землю, уселась на скамью, будто и не собиралась никуда идти. Но, выдержав несколько минут, выскользнула за калитку.

Он догнал её у канала.

– Что Диме сказал?

– Ничего. Он не заметил, что я сбежал.

Сняв шлёпки, Марина легко проскакала по нагретой солнцем трубе и обулась уже на другой стороне.

Илья повторил её манёвр, но не так грациозно. На середине едва не оступился и заработал унижительный смешок.

Марина не стала ждать, когда он обуется, кинулась вперёд. У рощи серебряных лохов она не пошла к дюнам, свернула налево. Постепенно дорога поднималась вверх и переходила в утоптанную земляную тропу. Заповедник располагался на высоком берегу, чуть уходя в глубь мыса, другая его граница прилегала к морю. Марина уже не бежала, шла медленно, прислушиваясь к пению птиц. Приходилось пригибаться, проходя под скрученными ветвями можжевельника, и поглядывать под ноги. В заповеднике обитали не только безобидные ящерицы и черепахи, но и змеи.

Илья догнал Марину и взял за руку.

– А нам сюда можно?

– Почему нет? На машинах запрещено, а пешком можно. Особенно если знать, куда идти. К морю лучше не соваться, оттуда могут погнать.

Илья шёл рядом, не выпуская ладонь Марины, она и не пыталась вырвать кисть, словно это естественный для них способ передвижения.

– Почему не приехал год назад?

– В Египте были. Мама настояла на культурном отдыхе.

Марина фыркнула:

– А тут, значит, некультурный?

Илья пожал плечами, не подозревая, что коснулся опасной темы. Марина обожала Штормовое, её любимым посёлком можно было только восхищаться.

– Мама говорит, что не очень. Бойтся, что папа превратится в местного подзаборника и растеряет налёт цивилизации, – необдуманно процитировал свою мать Илья.

Марина вырвала ладонь и ускорила.

– Тогда чего вы сюда приехали? Сидели бы в своей Москве.

– Летом там скучно.

Петляли долго, с тропы сходили не единожды: пробирались по ковру из иголок пицундской сосны, выходили прямо к высокому отвесному берегу, на котором можжевелевое дерево стояло, подобно стражу всматриваясь вдаль. Оно было скручено так, будто два великана выжимали из него соки, взявшись с обеих сторон.

– Ещё раз повернём направо и придём, – сказала Марина и свернула в противоположную сторону.

Илья растерялся.

– Ты что, путаешь стороны?

Марина и не подумала устыдиться.

– Ну и что?

– Тебе же не пять лет, – Илья на секунду почувствовал себя взрослее и умнее, он-то давно не путался в таких простых вещах.

Наконец пришли к дубу. На взгляд Ильи, волшебным он не выглядел, но он не стал расстраивать Марину. Она с неподдельным энтузиазмом принялась копаться в траве у подножья дерева в поисках серебряного жёлудя. Обычных тоже почти не попадалось, только старые и сморщенные.

– Расскажи о Москве, – попросила Марина, осматривая очередной жёлудь. Поскребла ногтем, но серебро не показалось. – Больше Анапы?

– Намного больше. Она огромная! – возмутился Илья.

– Не представляю...

– Что не представляешь? – Илья опустился на траву и, прислонившись к стволу спиной, прикрыл глаза.

– Как можно жить там, где нет моря.

– Ты карту страны, что ли, не видела? Многие живут далеко от моря и не страдают даже. Москва – столица, там жизнь кипит. Все «звёзды», знаменитости, президент – в Москве. Ты телевизор вообще не смотришь?

Марина обошла дуб по кругу и остановилась напротив Ильи.

– У нас нет телевизора.

– Дикари, – в шутку обозвал он их семью.

– Сам ты дикарь!

Марина недобро сощурилась, задышала прерывисто, через нос, но Илья не видел разгорающийся на её лице гнев, продолжал расслабленно сидеть, прикрыв веки.

– Кроме ракушек, ты хоть чем-нибудь интересуешься?

Марина сжала кулаки, шумно фыркнула.

– Я тупая двоечница, даже школу прогуливаю! – она развернулась и побежала в сторону дома.

Когда Илья открыл глаза, Марины и след простыл. Шаги быстро затихли, и воздух наполнили только песни птиц и шум моря. Сначала он подумал, что она просто подшутила и дожидается его где-то неподалёку, может, за деревом, или за поворотом. Через час он по-настоящему заволновался, ведь дорогу не запоминал, рассчитывал на Марину. И теперь растерянно стоял посередине поляны, не представляя, в какую сторону идти.

Решил не сходить с тропы, а если кто-то встретится – спросить дорогу. Плутал долго, едва не наступил на хвост ужу и успел проголодаться. С каждой минутой мрачнел и злился всё больше. Успокаивала только мысль, что это не джунгли и не тайга, а заповедник, где водятся не только редкие животные, но и люди. Нужно лишь быть более внимательным, и дорога отыщется.

Марина пришла домой рассерженная и голодная. Стащила из корзины оставшиеся с утра пирожки и ушла на побережье. Вернулась, когда солнце приобрело малиновый оттенок и намеревалось поцеловать горизонт. Взрослые разбежались по своим делам: Счастливчик и Вячеслав Аркадьевич наслаждались рыбалкой на канале, а Татьяна бродила по пляжу, предлагая сувениры отдыхающим.

Дима, Инна и Алсу притихли на качелях, наблюдая непривычную картину: Раиса Константиновна взволнованно мерила шагами двор. Ещё не плакала, но глаза уже наполнились влагой и покраснели.

Увидав Марину, она запнулась и быстрым шагом направилась в её сторону:

– Илья не с тобой? Видела его?

– Его нет?

Марина хотела его проучить и заставить побродить по заповеднику, не подозревая, что он так долго будет искать выход. Теперь шутка не казалась смешной, Раиса Константиновна испугалась по-настоящему. Её холёное безэмоциональное лицо потеряло привычный налёт сдержанного высокомерия.

– Нужно звонить в милицию, – решительно заявила она.

– Я его найду!

Марина распахнула калитку и понеслась по улице. Страх не успел разрастись и насытить кровь адреналином, она успела добежать только до поворота, когда увидела Илью. Он шёл нарочно медленно, поравнявшись с ней, чуть приостановился, но ничего не сказал, прошёл мимо.

Навстречу ему вышла мама. Обняла, отстранилась, внимательно оглядела его лицо и снова прижала к себе.

– Где ты был?

Он оглянулся, нашёл взглядом Марину. Она смотрела с вызовом, будто не боялась разоблачения.

– Заблудился в заповеднике, – выдал Илья, опуская глаза. – Вроде недалеко ушёл, но не сразу отыскал тропу.

Раиса Константиновна на секунду опешила, посмотрела на сына недоверчиво.

– Зачем ушёл без разрешения, да ещё один?

Илья растерялся.

– Я не подумал. Это случайно получилось.

– Случайно?

Такая глупость, как хождение в незнакомом лесу, где водятся не только реликтовые деревья, но и хищные животные, никак не укладывалась в её голове.

Весь вечер Раиса Константиновна не выпускала сына из виду, присматривалась к нему, будто за время отсутствия его могли подменить или сделать что-то нехорошее, незаметное с первого взгляда. Спустя час она уже взяла себя в руки и ни капли не напоминала ту взволнованную женщину, что металась по двору. Такого лица Илья ни разу у мамы не видел. В минуты злости или радости оно менялось незначительно, Раиса Константиновна никогда не выражала эмоции ярко, слегка обозначала их приподнятой бровью или сдержанной улыбкой.

У Юдиных всё было наоборот. Постоянные поцелуи, объятия, щедрые россыпи любви по поводу и без. Огорчались они тоже громко, правда, причины находили для этого, на первый взгляд, абсурдные. Несколько дней назад Марина плакала навзрыд, обнаружив разорённое осиное гнездо. А вчера с неподдельной скорбью на лице собирала на берегу медуз и кидала их обратно в море.

Раиса Константиновна любовь выдавала как плату за хорошие поступки. Когда сыновья расстраивали её, она могла спокойно заявить: «Сегодня я тебя не люблю».

Выбрав момент, когда Илья останется без присмотра, Марина приблизилась к нему и протянула самую красивую ракушку из своей коллекции:

– Прости меня.

Илья поднял взгляд, Марина смотрела прямо, насквозь прожигая своими прозрачными глазами.

– Ты меня тоже прости.

– Мир? – он протянул ладонь, но ракушку не взял, предлагал скрепить дружбу рукопожатием.

На лице Марины расцвела широкая улыбка, она цепко ухватила ладонь Ильи.

– Мир. И, кстати, я не двоечница. Всего две четвёрки в четверти.

Илья взял ракушку и ухмыльнулся.

– Но прогуливаешь?

– Прогуливаю, – печально согласилась Марина. – Если пороть будут, скажи, что это я тебя завела.

Илья изумлённо уставился на Марину, ожидая, что она улыбнётся, но она, кажется, не шутила.

– Пороть? С чего вдруг меня будут пороть? К тому же мне уже двенадцать лет, кого в таком возрасте порют?

Марина неуверенно пожала плечами.

– Ну, мало ли, – протянула она задумчиво. – Нас папа ремнём лупит, но только за дело. Он нас любит и хочет из нас людей вырастить. И вообще, он прикольный.

– Прикольный, – нехотя согласился Илья.

– А как тогда вас с Димкой наказывают?

– Мама с нами не разговаривает.

– И всё?

– Этого вполне достаточно.

Марина села на скамью, упёрлась подбородком в сложенные на столе кисти рук. Немного помолчав, сказала:

– Пусть лучше порют.

Утро началось со ссоры. Раиса Константиновна вернулась с пляжа и застала своих сыновей в огромной куче гороховых стеблей. Они сидели прямо на прогретой солнцем плитке и увлечённо копались в сочной листве, выскивая спелые стручки. Вскрывали их ногтем и выгрызали молодые горошины зубами. Сёстры Юдины окопались тут же и соревновались в скорости поедания гороха.

Урожай бобовых привёз Счастливчик. Ехал мимо поля, увидел, что горох уже достаточно поспел, и накопил полный багажник прямо со стеблями. Наличие у поля хозяина его мало волновало. В таком количестве он выращивался на корм для скота, и никто его особенно не охранял.

Добычу вывалил прямо посередине двора и щедро развёл руками.

– Налетай, детвора.

Дима и Илья поначалу опасались есть горох таким непрезентабельным способом, но видя, как ловко вскрывают стручки девчонки и как закатывают глаза от удовольствия, решили присоединиться.

Раиса Константиновна опешила и не сразу смогла облечь возмущение в слова, стояла, расставив руки в стороны, глядя на это безобразие.

– Откуда этот горох? – наконец выговорила она.

– С поля. Папа привёз, – откликнулась Марина, выкусывая горошины из стручка.

– А если поле обрабатывали от вредителей? – спросила она скорее у самой себя, дети точно не переживали по этому поводу. – В лучшем случае разболится живот. А что в худшем, я и думать боюсь. Дима, Илья, выплюньте эту гадость и марш в дом.

Спорить с родителями в их семье было не принято. Если папа ещё поддавался на уговоры, то с мамой подобные фокусы не работали. На неё не действовали ни жалостливые взгляды, ни обещания.

После того как Илья потерялся в заповеднике, прошло три дня, но только вчера мама начала с ним разговаривать: истекло время молчаливого порицания. Нарваться на очередной бойкот не хотелось.

Как назло, пророчество Раисы Константиновны сбылось. Уже в обед у Димы прихватило живот, и он оккупировал туалет. Илья какое-то время подшучивал над ним, сидя за дверью, но потом отпросился на пляж вместе с семьёй Счастливого. Раиса Константиновна осталась присматривать за старшим сыном.

Если бы Дима своей болезнью не удержал маму в пределах «скворечника», не случилась бы поездка на катере, которую так ждал Илья. Алсу осталась дома из солидарности к Диме, Инна боялась «Афалины», и пока ещё никто не уговорил её забраться на катер. Счастливчик не стал брать других курортников. Вручил жилеты Марине, Илье и его отцу, проверил крепления и отчалил от берега.

Отдалившись, он заглушил мотор и развернулся к пассажирам.

– А теперь сидим и ждём дельфинов.

Илья встрепнулся.

– Реально, что ли? Дельфинов?

Марина с наигранным равнодушием махнула рукой в сторону горизонта.

– Реально. Сейчас сам увидишь. Вчера весь вечер рассекали, напугали полпляжа.

Не дожидаясь позволения отца, она расстегнула жилет и, перекинув ноги через край катера, прыгнула в воду.

Вячеслав Аркадьевич кинулся к борту, но море уже сомкнулось над головой девочки. Он перевёл изумлённый взгляд на Счастливого, но тот только пожал плечами.

– Ей можно.

Вынырнула Марина в нескольких метрах от катера. Вдалеке показался плавник, и приближался он стремительно. Неудивительно, что курортники разбежались с криком «Акула!» – первое впечатление было именно такое. О дельфине думалось в последний момент, ужасики научили, что плавник над водой – это причина побережь конечности.

Илья пристально следил за Мариной, сгорая от желания составить ей компанию. Она плавала кролем, качалась на волнах, лёжа на спине, ныряла с борта катера. Глубина её не пугала. В воде она смотрелась так же естественно, как дельфин, кружащий вокруг катера.

– Анасейма! – позвал он, произнося её прозвище с каким-то особенным благоговением, словно обращался к морской богине.

Марина подплыла ближе и уставилась на него прозрачными, полными моря глазами.

– Тоже хочешь?

Илья в надежде оглянулся на папу, но тот отрицательно качнул головой.

– Нельзя. А там глубоко?

– Очень. До дна я не достала.

Илья склонился ниже.

– И тебе не страшно?

Марина широко улыбнулась.

– Да ну, чего бояться. Это же море.

Илья неопределённо хмыкнул. Марина не бравировала, она действительно не боялась. А он успел накопить страхов целый мешок: его пугала темнота, роботы, а ещё ожившие домашние животные, похороненные на древнем кладбище. В своих фобиях он никому не признавался, пытался бороться с ними самостоятельно.

Марина сделала несколько кругов, намеренно призывая дельфина поиграть и приблизиться к катеру, чтобы Илья мог его разглядеть. Мальчик никогда не видел дельфина так близко и смотрел со смесью изумления и настороженности. Животное оказалось не только гораздо больше, чем думал Илья, но и выглядело не таким уж и безобидным. Когда дельфин прибли-

жался к Марине, Илья напрягался и ожидал, что вот сейчас что-то произойдёт. Дельфин её укусит или потопит, но Марина не выглядела напуганной, смеялась и брызгалась водой.

Когда вернулись на берег, Илья ещё долго смотрел на Марину по-особенному. Впервые его восхитил не придуманный герой из боевика или книги, а реальный человек. И этот человек был не только его другом, но ещё и девчонкой. Марина же на него смотрела со смесью жалости и превосходства. Он мог бы стать олимпийским чемпионом или великим учёным, но без умения плавать так же хорошо, как она, уважение ему не светило. Марина прислушивалась только к морю.

Ближе к вечеру Диме стало лучше, но на пляж он не пошёл, лежал на кровати, бледный и несчастный, сунув ослабленную ладонь в руку взволнованной Алсу.

Марина усадила Илью за длинный стол во дворе.

– Давай быстро наделаем куриных богов и пойдём на пляж. Пока твоя мама занята Димкой, хоть нормально поплаваем, а то так и будешь пиявок гонять у пирса вместе с бабушками и мелкотой.

Илья ловко вдевал плетёную тесьму в отверстия ракушек и подавал Марине. Она завязывала неизвестный ему мудрёный узел, который сам по себе выглядел как украшение, и откладывала в сторону. За час они использовали все скафарки и гребешки, сложенные кучкой на столе.

– А почему вы не продаёте красивые ракушки, которыми в Анапе торгуют? Закрученные такие, с пятнышками и полосками.

– Какая-нибудь тигровая ципрея¹⁶ или конусы¹⁷, – пренебрежительно фыркнула Марина. – Они не местные. Как можно на память о Чёрном море увозить ракушки, которые тут вообще не водятся?

Илья приподнял бровь.

– Они красивые. Большинство понятия не имеет, какие местные, а какие нет.

Марина ухмыльнулась и пальцем опустила его бровь на место.

– Как ты так делаешь?

– Бровью?

Марина кивнула.

– Нравится?

– Прикольно, я так не умею. И улыбка у тебя очень красивая. Даже без зуба.

Илья искренне улыбнулся, довольный собой и немного смущённый. Он не умел так просто и открыто выражать симпатию, боялся. А тут ещё похвала его сомнительному таланту.

– Спасибо, – пробормотал он, зардевшись от прямого взгляда. Умела Марина смотреть так, будто никого в мире нет интереснее и лучше, будто только ты один для неё и существуешь.

– Пойдём продавать богов.

По пляжу бродили недолго. Марина развесила ракушечные кулоны на предплечье и несколько раз озвучила цену на свой товар. Покупатели растащили сувениры за полчаса. Илья бродил чуть в стороне, сгорая от стыда за Марину. Её свободный образ в море несколько часов назад никак не вязался с деловитой девчонкой в купальнике, торгующей ракушками.

Избавившись от куриных богов Марина помахала деньгами перед лицом Ильи.

– А теперь пойдём потратим.

– А тебе нравится торговать ракушками? – осторожно поинтересовался Илья, боясь обидеть.

– Терпеть этого не могу. Но теперь у нас есть деньги на мороженое. – И, чуть замявшись, добавила: – И шляпу.

---

¹⁶ Тигровая ципрея – ракушка брюхоногого моллюска, пятнистая с щелевидным отверстием, обитает в тропических морях.

¹⁷ Конус – ракушка брюхоногого ядовитого моллюска конусовидной формы, расцветки самые разнообразные.

- Сколько у тебя уже этих шляп? Каждый день меняешь, и ещё ни разу не повторилась.
- Новая шляпа никогда не помешает.

Домой они вернулись к ужину, оба в новых шляпах, с надувным матрасом.

Раиса Константиновна смерила Илью недовольным взглядом, но не отчитала, устало потёрла лоб тыльной стороной кисти.

– Диме снова хуже. Съездим в Анапу к врачу. Татьяна обещала, что присмотрит за тобой, веди себя хорошо, не позорь фамилию.

Илья сдержанно кивнул. Можно подумать, он ведёт себя безобразно. К чему эти публичные предостережения?

Счастливчик вызвался отвезти их в больницу, Диму уложили на заднем сиденье и отправились на консультацию к доктору.

Вячеслав Аркадьевич уснул на качелях во дворе сразу после ужина. Татьяна накрыла его простынёй, спасая от комаров, и уселась за стол перед большой миской. Напевая мелодию, принялась чистить отварные креветки для завтрашних пирожков. Инна расположилась тут же, с блокнотиком, и записывала рецепты маминой стряпни.

Алсу снимала панцири почти механически, одним отработанным движением, и это не мешало ей недовольно ворчать. Илья бездельничал недолго, предложил свою помощь и сел рядом с Мариной. Первый десяток креветок просто съел, не устоял перед притягательным ароматом. Так ловко и быстро снимать панцирь с членистоногих, как у Юдиных, у него не получилось, кожу на пальцах начало щипать от соли, да и занятие это оказалось монотонным.

Марина взяла крупную креветку за хвост и поднесла к лицу Ильи.

– О, у вас глаза похожи.

Он отклонил её руку в сторону.

– Теперь я их есть не буду.

Марина сделала вид, что креветка ходит по столу и разговаривает:

– О, смотрите, я Илюха из столицы. Замучил занудством репетиторов, зато видел президента.

Илья выудил из миски другую креветку и тоже включился в игру.

– А я Маринка из посёлка на краю мира. Прогульщица и, кажется, русалка.

Они одновременно засмеялись и принялись изображать драку креветок.

Алсу смерила их осуждающим взглядом.

– Дети, что поделаешь, – покачала головой. – Они у вас будто не дерутся, а целуются.

Марина и Илья тут же сделали вид, что именно это и происходит: начали сталкивать креветки острыми носами, изображая недвусмысленные звуки.

Ночь подкралась внезапно, обступила освещённый двор со всех сторон и дала отмашку песням цикад.

Первой уснула Инна. Татьяна отнесла её в кровать, оказавшись на руках, Инна проснулась. Вячеслава Аркадьевича Татьяна будить не стала. На широких мягких качелях не раз засыпали и гости, и сами сёстры Юдины, причём все втроём, скрутившись в мудрёный клубок из рук и ног.

Илья нехотя поплёлся в «скворечник», Марина догнала его уже на пороге.

– Когда все уснут, я кину в твоё окно виноградину. Пойдём ночью купаться.

Илья растерялся.

– Может, завтра? Послезавтра мы уедем, думаю мама разрешит, как в тот раз, увидеть светящееся море.

– Балда, море в августе светится, а сейчас июль, – Марина преградила ему дорогу, выставив руку. – Не разрешит. После того как Димка отравился, до самого отъезда будете под её присмотром.

Илья медленно кивнул, загораясь идеей искупаться в ночном море.

– Хорошо. Буду ждать сигнала.

Долго ждать не пришлось.

Алсу почти сразу погрузилась в сон, Инна чуть позже, на втором куплете колыбельной, а Марина сделала вид, что заснула крепко и беспробудно, как только голова коснулась подушки. Татьяна поцеловала дочерей и, притворив дверь, вышла из комнаты.

Марина выждала десять минут и распахнула глаза. Прислушалась к тишине в доме: вроде бы никто не бродил, и путь к бегству был свободен. Надев купальник, она осторожно выбралась во двор и на цыпочках прокралась к «скворечнику». Ухватившись за перекладину беседки, сорвала горсть неспелых ягод и кинула в окно спальни. За стеклом показалась тень с взлохмаченными волосами. Илья вышел через пять минут, отгоняя настойчивых комаров.

Марина приложила палец к губам и кивнула в сторону качелей. Под простынёй угадывался человеческий силуэт, неподвижный, но громко храпящий.

До калитки они крались на носочках, с трудом удерживая рвущийся наружу смех. Около моста позволили себе расхохотаться в голос. Илья приостановился и прислушался к ночи. В траве оглушительно стрекотали цикады, издали доносилась музыка, а над головой пищали приставучие комары. Холодно не было совершенно, даже душно, как перед грозой. Воздух наполнился тягучей духотой и пах озоном.

На пляже Марина остановилась, коснувшись пальцами ног кромки прибоя.

– Нельзя, чтоб родители нашли утром мокрые купальники.

– И что предлагаешь? Снять, что ли?

Илья предложил это в шутку, но Марина не засмеялась. Свет луны вычертил её серьёзное лицо.

– Ну да. Отвернёшься, я разденусь и зайду в воду, потом ты. Я закрою глаза.

Илья колебался. Не мог понять, что именно его коробит в этой ситуации, вроде ничего постыдного, но что-то волновало, не давало согласиться на купание голышом.

Марина откинула волосы назад.

– Я постоянно так делаю, иначе папа узнает, что я ночью хожу на пляж.

– Ладно, – решил Илья. – Ты первая.

Он отвернулся и выждал несколько минут, пока Марина не зашла в воду и не разрешила ему повернуться. Оставив одежду на берегу, прикрыл ладонями пах и забежал в море. Кожа тут же покрылась мурашками, а ягодицам стало непривычно холодно.

В темноте он не разглядел Марину и едва не врезался в неё. Коснувшись голой кожи, отпрыгнул, как ошпаренный, а она засмеялась.

– Чуть не утопил!

– Тебя утопишь.

Марина отплыла в сторону и оглянулась.

– Это такая свобода. Словно я с морем одно целое.

Илья не мог сказать, что испытывает такое уж наслаждение, мешал проснувшийся стыд. Пару лет назад его бы не смутила голая девчонка, плавающая в темноте, но недавно он стал присматриваться к одноклассницам как-то по-новому, не с дружеской симпатией. Ещё больше его напрягала собственная нагота. Не свободу он ощущал, а незащищённость и смущение.

Марину же ничто не тревожило. Она плавала где-то рядом, в темноте слышались всплески воды и размеренное дыхание. Илья раскинул руки в стороны и поплыл брассом. Это действительно было непривычно и странно, но больше не из-за полностью обнажённого тела, а из-за самого купания в ночном море. Была в этом какая-то магия.

Илья почти забыл, что боится темноты: сейчас она казалась дружелюбной и таинственной, но не жуткой. Он даже посмеялся над собственным страхом.

– А я ведь темноты боялся, – легко признался он.

Марина проплыла в нескольких метрах за его спиной, исчезла под водой на несколько секунд и вынырнула напротив. Луна высветила её блестящие глаза.

– А я моря.

Илья решил, что ему послышалось.

– Анасейма моря боялась? Ни за что не поверю!

– Однажды я чуть не утонула. Один страх у меня всё-таки есть: лишиться моря. А чего ты ещё боишься?

Илья задумался, не хотелось выглядеть перед Мариной совсем уж трусом, но почему-то так хотелось признаться именно ей.

– Я роботов боюсь и воскресших мёртвых животных, – выдохнул он и застыл, ожидая реакции.

Марина снова сделала круг, будто акула около добычи. Остановилась, едва не касаясь руками его голой спины.

– Почему роботов?

– Они не поддаются мольбе, – взвешенно ответил Илья. Он уже не раз это обдумывал. – Они же бесчувственные машины.

– А почему мёртвых животных?

– Это из-за книги Стивена Кинга «Кладбище домашних животных». Они были любимцами, а стали монстрами. И теперь их нужно убить. А как убивать того, кого любил?

Марина вздрогнула:

– Брр, не читала. Гадость какая-то.

Она отплыла в сторону, снова оставив Илью в растерянности. Он тоже поплыл, только вдоль берега, углубляться в море не рискнул. Уже почти начал получать удовольствие, когда услышал голос Татьяны.

– Выходите. Илья, твоя мама едет домой и сильно удивится, если не обнаружит тебя в кровати.

Илья вышел из воды по пояс и растерянно замер, не зная, как выбраться на сушу. Марина подплыла сзади, но из воды торчала только её голова.

– Мама, там наша одежда на берегу.

– Вы гольшом купаетесь?

Илья залился румянцем, вот теперь ему было по-настоящему стыдно.

– Я отвернусь, – произнесла Татьяна.

Илья выбрался первым. Поспешно натянул шорты и футболку прямо на мокрое тело и тоже развернулся спиной к морю. Прислушался к плеску воды, затем шороху надеваемых вещей.

– Я всё.

Татьяна подошла к ним и молча взяла за руки. До самого дома не произнесла ни слова, будто и не осуждала их ночную прогулку.

У калитки Марина приостановилась.

– Mam, я не первый раз ночью на море бегала. Ничего страшного.

– Я знаю, хотя папе лучше не знать, – Татьяна перевела взгляд с дочери на молчаливого Илью. – Но его мама бы не разрешила. Не стоило брать на себя ответственность за чужую жизнь. Могло случиться что угодно. А ты всё-таки ребёнок.

Марина чувствовала, что мама недоговаривает, было в её интонации нечто необычное, похожее на смущение.

Илья убежал в «скворечник», не пожелав спокойной ночи, а Марина побрела в свою спальню. Уложив её в кровать, Татьяна села на край и погладила по голове.

– Русалочка моя, завтра ты не пойдёшь к морю. Это твоё наказание, – слова прозвучали ласково и никак не вязались со смыслом.

Марина едва не подпрыгнула, Мама никогда её не наказывала.

– Мама, за что?

– Когда подрастёшь, поймёшь, почему я тебя наказала. А сейчас просто запомни, что так делать нельзя.

Утром Илья узнал, что Марину наказали, но никому не смог признаться, что знает причину. Его не коснулось недовольство Татьяны, Марина пострадала за обоих. Илья из солидарности тоже не пошёл к морю, остался во дворе. Марина мучилась, будто религиозный фанатик, отлучённый от божества на всю оставшуюся жизнь. Сидела на качелях насупленная, закрывшись от всех шляпой, и что-то бурчала.

Дима уже не выглядел зелёным, даже позавтракал. Раиса Константиновна собирала вещи, укладывала сувениры и прикидывала, всё ли успела сделать до отъезда. После обеда решила съездить в Анапу, но Вячеслав Аркадьевич и Счастливчик успели выпить пива, пришлось ей добираться на автобусе. Едва за ней закрылась калитка, как сыновья вострепнулись и скинули налёт несвойственной детям угрюмости: принялись брызгаться из водяных пистолетов и обкидываться зелёным виноградом.

Расчувствовавшись от предстоящей разлуки, Счастливчик устроил экскурсию по своему гаражу, в ящике с инструментами случайно обнаружил бутылку настойки. Бережно вытер с неё пыль и продемонстрировал гостю, будто святой Грааль.

– Славик, тебе повезло. Такое зелье ты ещё в жизни не пробовал.

Дегустацию откладывать не стали. В лучшем случае увидятся через два года, настойка столько не выдержит, да и грусть от предстоящего расставания следовало обезболить алкоголем. Прямо в гараже откупорили бутылку и разлили настойку по рюмкам. Не закусывали, делились впечатлениями и заверяли друг друга в вечной дружбе. Как опьянели, и сами не заметили.

Уже довольными и уставшими от долгой беседы, их обнаружила Марина. Но маме не пожаловалась, а позвала ребят и заговорщически прошептала:

– Сейчас будем делать им собутыльника.

Сёстры раскопали в старых вещах свитер и брюки, набили их другими вещами, отложенными как ветошь. Голову мастерили все вместе. Тут пришлось постараться. В качестве лица они использовали старые колготки телесного цвета. Красками нарисовали глаза, рот, вместо бровей приклеили две полоски от мохнатого шарфа. Илья и Дима занялись изготовлением рук. Испортили две пары перчаток, пока пухлыми конечностями не были довольны все, кто трудился над созданием чудовища Франкенштейна.

Существо получилось длинное и уродливое, к тому же без носа. Дима настаивал на том, что нос необходим, но никто не мог изобразить его достоверно, поставили две точки и на этом закрыли спор. Завершающим штрихом стала шляпа, россыпь репейников на свитере для антуража и бутылка из-под пива, наполненная водой.

Марина оглядела собутыльника, поправила на нем шляпу и довольно заключила:

– Красавчик. Как назовём?

Илья задумчиво почесал выгоревшую макушку.

– Михалыч.

Дима уверенно кивнул. В сквере недалеко от их дома обитал местный алкоголик Михалыч, любитель рассуждать о бренности бытия и несправедливости судьбы.

– Теперь что?

– А теперь у наших пап появится собутыльник.

Алсу зажала ладонью рот, чтоб удержать рвущийся наружу смех. Илья и Марина взяли Михалыча под руки и потащили к гаражу. У дверей остановились и осторожно заглянули внутрь. Отцы заснули прямо там, где сидели: на колченогих стульях у длинного стола, где Счастливчик обычно что-то мастерил.

Стараясь не шуметь и не рассмеяться, ребята усадили собутыльника на третий стул, закинули одну ногу на другую и вставили в руку рюмку. Удовлетворившись достоверностью Михалыча, далеко не ушли – притаились в засаде прямо за накрытым брезентом мотоблоком.

Первым проснулся Вячеслав Аркадьевич. Навёл мутный взгляд на Счастливого, моргнул и скользнул глазами по новенькому собутыльнику в шляпе.

– Ты кто?

От звука его голоса проснулся Счастливчик. Михалычу он улыбнулся как старому знакомому, потрепал по плечу. Голова куклы склонилась, шляпа съехала набок, открывая перекошенное уродливое лицо. Мужчины одновременно громко икнули.

Марина не выдержала и прыснула, её заразительный смех подхватили остальные. Их засаду, естественно, тут же обнаружили. Счастливчик погрозил пальцем:

– Шутники, ё-моё!

Вячеслав Аркадьевич не успел понять, что произошло, мимо него размытой тенью пронеслись ребята. Илья приостановился напротив отца, несколько секунд смотрел на него изучающе, не в силах опознать в этом пьяном мужчине родные черты. Из гаража он вышел последним, не торопясь.

Татьяна вернулась с пляжа и столкнулась с взбудораженными детьми. Сквозь смех и шутки поняла, как они развлекались последний час, но веселья не поддержала, обратилась к Диме, как к самому взрослому:

– Мама приехала?

– Нет ещё.

Татьяна поставила корзину и направилась в гараж. Не кричала и не позорила упившихся мужчин. Вывела по одному на улицу. Каждого отвела в свою комнату и уложила спать, даже разула.

Пока Татьяна накрывала на стол, ничего не говорила, прислушивалась к беседам детей. Постепенно их радостное возбуждение стихло. Они расселись на скамейках и умолкли в ожидании порицания.

Татьяна налила чай с листьями смородины и поставила миску с пирожками.

– Как назвали?

Алсу подняла взгляд.

– Михалычем.

– Морда у него, конечно, страшная. Хотя для огорода самое то, – Татьяна посмотрела на мальчишек и подмигнула. – Маме лучше не говорите. Пусть это будет наша тайна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.